

ИГОРЬ ЕФИМОВ

ПУРГА

НАД „КАРТОЧНЫМ ДОМИКОМ“

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ЛЕНИНГРАД „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1975

ИГОРЬ ЕФИМОВ

ПУРГА

НАД
„КАРТОЧНЫМ
ДОМИКОМ“

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Р 2
Е 91

**Рисунки
Ю. ДАНИЛОВА**

Е $\frac{70803-178}{M101(03)-75}$ 260—75

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА».
1975 г.

1

В комнате пахло горячим сургучом и дровами. Дрова лежали рядом с гудящей печкой. Пожилая женщина в валенках и платке брала полено, стряхивала с него снег и совала в открытую дверцу. Громко зашипев, полено исчезало в пламени. Другая женщина, помоложе, стояла за барьером около электроплитки. Сургуч таял, тянулся из банки за щепкой-мешалкой, и молодая с любопытством следила за коричневой лентой — когда порвется.

В углу пискнул зуммер.

Обе женщины разом подскочили к старенькому телефонному коммутатору, но молодой было ближе, она опередила и первая взяла наушники.

— Ночлегово слушает.

— Анечка, ты? — раздалось в наушниках. — Ответь директору интерната. Интернат, даю Ночлегово.

— Ночлегово? Ну, где там Зипуны? Сколько можно ждать?

— Алексей Федотыч, но я же вам говорила — не отвечают Зипуны. Наверно, обрыв. Пурга-то какая, слышите?

Она повернула микрофон в сторону окна, за которым с воем и свистом неслись снежный поток.

— Что вы мне пургу даете слушать! У меня здесь на третьем этаже пострашнее воем. Вы мне Зипуны, Зипуны дайте!

Молодая нащупала в ряду нужный штекер,插入了 его в гнездо и несколько раз нажала кнопку вызова.

— Ну вот, опять не отвечает. — Голос ее звучал жалобно. — Наверняка обрыв. Или Новый год до сих пор празднуют.

— Хорошо он начался, этот Новый год, ничего не скажешь.

— А что случилось, Алексей Федотыч?

— Ребята зипуновские ушли домой — вот что. Четверо.

— Ах, разбойники! — воскликнула пожилая. — Ах они неслухи окаянные!

— Да не они, — закричал директор интерната. — Это я! Я неслух. Говорила мне утром тетя Паня, уборщица: «Не пускай их, Федотыч, малые они еще да глупые». Так нет же, я все свое: пятый класс, взрослые люди, инициатива, нужно доверять. Вот и доверил. Где они теперь, эти четверо? Дошли? Нет? Успели до пурги? Сажу теперь и трясусь. И поделом мне.

— Да как же вы отпустили? За пятьдесят километров?

— Какие пятьдесят? Это по большаку пятьдесят. А они напрямки на лыжах. Там по лесной-то дороге и двадцати не будет. Они уже сколько раз так ходили.

— Тогда и сейчас дошли. Все по домам сидят. Пурга часа в два началась, не раньше. Если с утра вышли, так

должны бы дойти. Вы не волнуйтесь. А моя как там у вас? Не попадалась вам на глаза?

— Ваша нормально. Мышку вчера на елке играла. Вообще способная. Как пурга кончится, привезем ваших ночлеговских на каникулы.

— Когда еще она кончится...

— Вот именно, что когда. Уж вы, Анечка, если Зипуны ответят...

— Конечно, Алексей Федотыч, конечно. Сразу же соединю.

В наушниках стихло, и снова комната наполнилась монотонным свистом ветра и гудением пламени в печке.

— Зипуновские все отчаянные, — сказала пожилая. — А хуже всех председательша ихняя, Ешкилева. Еще прошлый год с тигроловами за зверем ходила.

— Да ну?

— Вот тебе и «да ну». — Пожилая окинула взглядом кучу поленьев. — Запasti, что ли, тебе дров на ночь...

Она натянула ватник и вышла на улицу, но тут же, задыхаясь, влетела обратно. Все лицо ее было залеплено снегом.

— Повалил — видала? Только с крыльца сошла, ну чисто как машина налетела. Уж и не упомяну такой пурги.

Молодая вздохнула и принялась запечатывать сургучом пачку заготовленных бандеролей.

Снова запищал зуммер.

— Ночлегово! Вас вызывает научный городок.

— Ой, а зачем? — всполошилась молодая.

— Не знаю. Научный городок? Говорите, Ночлегово слушает.

Незнакомый голос звучал слабо. Казалось, он устал проталкиваться сквозь щелчки, шорохи и пiski на далекой линии.

— Здравствуйте, Ночлегово. Скажите, с кем я говорю?

— С Анечкой. То есть с начальником отделения связи.

— Сейчас, Анечка, одну минуту. Я потерял вас на карте. Ага, нашел. Ночлегово. Да, вы как будто ближе всех.

— Ну что вы! Мы, наоборот, самые дальние.

— От чего дальние, от чего и ближние. «Карточный домик» знаете?

— Нет.

— Новый филиал нашего института. Километров двадцать пять к востоку от вас, такой большой зеленый дом.

— А, это где ученые живут? Я что-то слыхала. Его лет пять назад строили.

— Мы с утра не можем с ними связаться. То ли радио у них отказало, то ли случилось что-нибудь. Хотели полететь, как обычно, на вертолете — ветер не дал. Послали вездеход, но и от него никаких известий. Может, вы нам можете.

— Да как же? От нас и дороги к ним не осталось. Заросла.

— Дорог там вообще поблизости нет. Этот корпус специально выстроен подальше от дорог.

— А если на лошадях, то сами понимаете...

— Нет, и на лошадях не надо. Но там неподалеку стоит дом лесника. Вот с ним нет ли у вас телефонной связи?

— А и правда, есть радиотелефон. Только ему зимой почти не звонят, я и забыла. Соединить вас? Я сейчас.

Штекер с мягким щелчком вошел в свое гнездо. Пожилая под села рядом и подперла голову рукой, зажав в ней третий наушник, хотя нужды в нем не было — радиотелефон давал усиление звука через динамик.

— Странно, — сказала молодая. — Трубку сняли и молчат. Алло? Это дом лесника? Ответьте научному городку. Алло... Алло...

— Дайте мне послушать, как они там молчат, — сказал голос из научного городка.

— Даю.

— Да, история. Постойте-ка — а это что за звуки? Помехи на линии?

— Я тоже так сначала подумала. Но нет, никаких помех я что-то не слыхала.

— Вам, Анечка, это что-нибудь напоминает?

— Да. Похоже, что собака скулит.

— Вот и мне так кажется.

— Скулит и подвывает.

— Стоп. А это что было?

Молодая испуганно переглянулась с пожилой и, когда та кивнула, сказала почему-то шепотом:

— Будто стрельнул кто неподалеку...

Стало тихо.

Все трое напряженно вслушивались, и вот сквозь шорохи и потрескивания до них через километры пурги и леса донесся слабый, но явственный звук, уже не оставлявший сомнений. Выстрел. Еще один.

— Да-а... Что-то мне все это перестает нравиться.

В голосе человека из научного городка теперь звучала такая серьезная тревога и озабоченность, что молодая не решилась что-нибудь сказать.

— Анечка из Ночлегова, у меня к вам просьба. Вызывайте этого лесника каждые полчаса. Если кто-нибудь ответит, дайте знать. Хорошо?

— Обязательно.

— А мы тут пока обдумаем, что можно предпринять. Телефон отключился. Молодая вынула штекер из гнезда, и он быстро скользнул на свое место, утянутый пружинящим проводом.

— Кругом наука, наука, — вздохнула пожилая, — а с погодой справиться не могут. Вона чего вытворяет. Чего хочет, то и делает.

— Молчали бы вы, Феоктистовна, насчет науки, — взорвалась молодая. — Вам операцию сделали, жизнь спасли, а вы все ворчите.

— Да, как мне черепушку открыли и опухоль выковырнули, про это ничего не скажу — чудо, да и только. И не болит теперь и не давит. А вот против погоды...

— А против погоды пока и печка помогает. Дров-то хватит ли? Мне, я вижу, придется всю ночь здесь дежурить.

— Надо бы добавить. — Пожилая поднялась, затягивая платок.

— Вас опять собьет.

— А я по стенке, по стенке. Дрова такое дело — их сколько ни запасай, лишних не будет.

Перед дверью она набрала побольше воздуха и исчезла в темных сенях.

Только она вышла, зуммер запищал в третий раз.

Молодая надела наушники и сразу же заулыбалась, закричала обрадованно:

— Зипуны! Наконец-то. Что у вас там было? Почему не отвечали?

— Да оборвало над самой крышей. Мы звоним, звоним — ничего понять не можем. Только сейчас починили.

— Ну как там ребята ваши? Дошли?

— Какие ребята?

— Интернатские. Которые утром на лыжах вышли.

На другом конце замолчали, потом сказали упавшим голосом:

— Нет. Никто не приходил.

— Да может, вы не знаете? Может, они пришли и по домам сидят.

— А сколько их пошло?

— Вроде четверо.

— Значит, все. И мой вместе с ними. Нет, не пришли они — я бы знала.

Молодая оглянулась на темное, вздрагивающее под ветром окно и даже зажмурилась.

— Ой, лихо мое. Беда-то какая.

— Да уж, хуже нельзя. Давай мне интернат.

— Даю, даю... Район? Район. Ночлегово интернат вызывает... Алексей Федотыч, Зипуны ответили... Не знаю, как вам и сказать... Нет, не пришли они... А шесть лет назад, помните? Тоже двое заблудились, а ведь нашли их... Мало ли что летом... Нет, никто не пришел... Да-да, сейчас соединю... Сейчас.

2

А Килю они с самого начала не хотели брать с собой.

Дима, Димон, мог бы придумать десять, двадцать, сто способов, как избавиться от Кили, и любой из них сработал бы безотказно. Но попробуй придумать что-нибудь толковое, когда тебе ставится условие, чтобы все было «честно». Если же получалось «нечестно, нехорошо», Стеша ни за что не соглашалась. Даже такая невинная вещь — запланировать выход на десять утра, а потом сделать вид, будто сговаривались на восемь и уйти раньше, без него — даже такой пустяк вызывал у нее презрительную гримасу

(нижняя губа закушена, верхняя сморщена и притянута к носу).

— Но ведь сами-то мы будем знать, что сговаривались на десять! Будем или нет? А раз будем, знаешь, как это называется?

И вот теперь они со своей «честностью» и «хорошестью» не мчались по заснеженному лесу втроем, как мечтали, а плелись с этим тюком из варежек, валенок и шарфов, поставленным на лыжи, — Колькой Ешкилевым по прозвищу Киля.

Киля начал увязываться за ними давно, еще с летних каникул. Если, например, мяч у них во время игры улетал в овраг, заросший крапивой, и Димон с Лаврушей затевали долгое препирательство, кто его туда заколотил и кому доставать, откуда-то незаметно появлялся Киля, ни слова не говоря лез в овраг и вскоре появлялся с мячом в руках, со свежими волдырями по животу, щекам и коленкам, но с сияющими глазами. Или они опаздывали к началу сеанса в деревенский клуб и со вздохом занимали «стоячие места» среди зрителей, подпиравших стены, но вдруг кто-то махал им рукой из середины зала — это Киля вскакивал на скамейку, которую он удерживал до их прихода, лежа на ней животом и вцепившись руками и ногами. Или у Стеши начинала хрипеть и задыхаться ее карманная «Селга», и она трясла ее, колотила, прижимала к уху, но все равно не могла ни слова разобрать в своих любимых театральных передачах, одни вопли и стоны, настоящий театр абсурда — кому это нужно. И опять откуда ни возьмись выныривал Киля и протягивал в потной ладони свежую батарейку как раз к этому приемнику, в герметическом полиэтиленовом мешочке.

Что им оставалось делать?

Они принимали его услуги, говорили «спасибо», хлопали по плечу... и через минуту забывали о его существовании.

Или старались забыть.

Потому что быть обязанным Киле — в этом им чудилось что-то унижительное. Он был младше их на год. Ниже ростом. Слабее во всем. Даже Стешин рюкзак ему было не пронести и километр. При этом еще сказочно невезуч. Если

в траве где-нибудь притаивался осколок стекла, он обязательно напарывался на него босой ногой. Если мосткам через ручей приходило время сломаться, они ждали именно того момента, когда Киля ступит на них. Стоило ему выйти в чистой рубашке, как пролетающая сорока капала точнехонько на отутюженный воротник. Наконец, единственный раз, когда он решился принять участие в обычном развлечении своих одноклассников и сбросить из окна третьего этажа бумажную «бомбу» с водой, она взорвалась во дворе интерната прямо у ног проходившего Алексея Федотовича, директора.

Конечно, им было жалко его. Но с какой это радости они должны принять Килю в свою компанию и дружить с ним? Когда он молча глядел на них издали немигающим расширенным взглядом, будто просил о чем-то и ждал и надеялся, всем троим делалось так смутно и тяжело на душе, что хотелось только одного — убежать, спрятаться, отгородиться.

Даже Стеша при всех своих «хорошо — плохо» признавала, что никто не обязан выполнять эти немые взглядовые просьбы. Поэтому, когда однажды в разгаре лета они отправились в очередной поход (так давно собирались! К Запрудному озеру за раками! С ночевкой у костра!) и, уже углубившись в лес, увидели, что незванный и безмолвный Киля тащится за ними, они на секунду опешили от такой наглости, потом остановились, потом посмотрели назад (не почувдилось ли?), потом друг на друга, и тогда Димон, которому почему-то всегда выпадало брать на себя все тяжелые и неприятные дела, повернулся и пошел навстречу Киле.

Тот стоял и ждал его, и смотрел своим обычным просительным взглядом, но еще что-то новое было в его лице, что-то похожее на виноватую улыбку.

Эта улыбка сильно мешала Димону. Чем ближе он подходил, тем шире раздвигал плечи, грознее сутулился, шевелил бровями, надувал брюшной пресс, но ничего не помогало. Киля все так же глуповато улыбался и не двигался с места.

— Ну? — сказал Димон, останавливаясь шагов за пять, чтобы был еще запас расстояния — надвигаться и пугать. — Куда это ты собрался?

Киля молчал.

— Тебя кто-нибудь звал? Ну, говори — звали тебя или нет?

Киля молчал, краснел и улыбался.

— Так вот, поворачивай, и чтобы я тебя на этой дороге не видел. Понял? А не то — считаю до трех. Раз, два...

Киля не двигался.

Пришлось сказать «три» и попытаться использовать оставленные пять шагов. Димон набрал воздуха, присел, сделал страшное лицо и бросился вперед со своими плечами (в два раза шире), брюшным прессом (можно стать двумя ногами), кулаками (сорок килограммов на силовом правом, тридцать шесть — левым).

Киля только втянул голову в плечи и зажмурился.

Это было совершенно не по правилам. По правилам он должен был кинуться бежать со всех ног, в худшем случае — прокричать издали что-нибудь угрожающее или обидное и исчезнуть. Так, во всяком случае, вела себя до сих пор вся мелюзга, которую доводилось шугать Димону. А что было делать с этим, с неубегающим? Не бить же его, на самом деле.

— Вали отсюда, — нерешительно сказал Димон и толкнул Килю в плечо.

Тот послушно плюхнулся в дорожную пыль и только тогда открыл рот и выпалил одним духом, видимо, давно заготовленную фразу:

— Можно-мне-ходить-с-вами -я-умею-север-и-юг-по-мху-на-деревьях-и-вырезать-закопченные - тросточки-а-ваших - мест-никому-не-скажу-режь-ножом-жги-огнем.

— Нельзя, — сказал безжалостный Димон. — С нами никому нельзя. И не лезь ты к нам больше. Будешь лезть — еще не так получишь.

Он вернулся к своим, и они все трое быстро и сосредоточенно пошли по дороге и, лишь пройдя большую часть пути, украдкой оглянулись.

Кили не было.

Лесной туннель уходил в лесную бесконечность, и только трава, прибитая ими, медленно распрямлялась. Тут Стеша вздохнула и заявила, что поступили они все-таки неважно, почти подловато, на что Димон немедленно взъелся и стал

допытываться: кто же именно неважно поступил? Не с их ли молчаливого согласия он прогнал Килю?

Так они препирались на ходу: «Все равно — нехорошо», «Нет, ты скажи кто, прямо скажи», «Не знаю кто, а все равно — нехорошо» — пока заглядевшийся на них Лавруша не въехал лицом в паучью сеть, на краю которой здоровенный паук завтракал небольшой перламутровкой. Как всегда при виде живого, поедающего живое, Лавруша расстроился, и тогда те двое, оставив свою перепалку, накинулись на него, стали доказывать, что пауки полезнее бабочек, что в природе все разумно, естественный отбор, борьба видов, сам ведь собираешься сегодня поживиться за счет ракообразных, да-да, вон уже их обиталище виднеется. Озеро блеснуло за стволами.

Они сбросили рюкзаки и побежали купаться.

Потом носились друг за другом по прибрежной траве.

Потом срубили в лесу две сушины для костра, чтоб горел всю ночь, а на мелких сучьях вскипятили чай.

Потом расстелили одеяло и разложили на нем припасы — каждый кусок на три части.

В общем, они и думать забыли о чем-нибудь, кроме предстоящей ночной охоты, когда Лавруша, рассыпая творог с недоеденного бутерброда, вдруг радостно закричал:

— Глядите! Глядите!

Никогда нельзя было знать заранее, что может привести Лаврушу в восторг. Поэтому Стеша с Димоном, поворачивая головы, были готовы увидеть что угодно: змею, рысь, лесной пожар. Что угодно, только не Килю, сидящего на корточках в двадцати шагах и глядящего на них все с той же виноватой улыбкой.

— Как в страшном сне, — сказал Димон. — Мальчик, ты чей? Что-то у тебя лицо очень знакомое.

Стеша схватила его за обе руки, но Димон и не думал вставать. В наступившей тишине стало слышно, как шипит влажный мох по краю костра и гудят первые вечерние комары. Черноглазый лягушонок вылез из брусничника и запрыгал в сторону Кили.

— Ребята, ну чего вы? — не выдержал Лавруша. — Пускай, а? Раз все равно он сам дошел. Что нам — жалко? Килия, иди сюда! Слышишь? Иди.

— Не, мы здесь, — хрипло ответил Киля. — Мы не мешаем.

И тогда Стеша с криком: «Эх, вы!» — вскочила на ноги, подбежала к нему, за руку притащила упирающегося к костру, сунула кружку с чаем и вареное яйцо, сама усеялась рядом, положила подбородок на колени и уставилась — нет, все трое теперь устались на Димона.

Димон пожал плечами, обвел глазами верхушки сосен, прибрежный камыш, рассеянно взял с одеяла кусок сахара, повертел перед глазами и вдруг едва заметным баскетбольным движением швырнул его точнехонько в Килину кружку. Киля слизнул с руки разлетевшиеся капли и недоверчиво поглядел на остальных.

— Откуда ты знаешь? — сказал Лавруша. — Может, «они» больше любят вприкуску.

И все наконец с облегчением засмеялись, просто показались со смеху, хоть шутка того не стоила, и Киля смеялся громче и радостнее всех.

Нельзя сказать, чтобы они жалели потом, что взяли его в свою компанию.

Уже в тот вечер, когда они, дождавшись темноты, спустились к озеру, им было хорошо от мысли, что кто-то остался в лагере. И, бродя по пояс в черной воде, высвечивая лучом фонарика расплзающихся из-под ног раков, приятно было время от времени поднять голову и увидеть посреди жутковатой стены леса яркое пятно костра, поддерживаемого Килей на берегу. А вернувшись — показывать ему добычу, каждый — свою, и упиваться его восхищением. А потом угощать его дымящимися раками (неприятное дело опускания их в соленый кипяток опять досталось Димону, а Лавруша на это время куда-то исчез и вернулся уже на готовенькое). А потом учить его всем премудростям походных ночлегов и делиться с ним, с незапасливым, одеялом и антикомарином «Тайга». А возвратясь после каникул в интернат, защищать его от нахальных одноклассников и угощать печеньем, присланным из дому. И вообще приятно было встречать на деревенской улице или в школьном коридоре человека, которому достаточно сказать: «Привет», или: «Как дела, Киля?», или: «В кино пойдешь вечером?» — и он просияет от счастья.

Но бывали и такие случаи, когда Киля был им только в тягость и они не знали, как от него избавиться, не обидев; обижать же его у них теперь просто язык не поворачивался, рука не поднималась.

А в то утро — первое утро Нового года — он им был уже вовсе ни к чему и тащился там сзади по лыжне так, что они чувствовали себя бурлаками, волочащими груз неуклюжести, медлительности, ответственности, — ведь обещали Алексею Федотовичу — ну, чистое наказание!

3

— Дима!.. Дима, не беги так... Это же невозможно — слышишь? — разговаривать на такой скорости...

— О чем тут разговаривать?

— Но ведь я предупреждала тебя вчера, что задержусь... Потому что у нас спектакль, — предупреждала? Что ж тут обижаться?

— Никто не обижается.

— Я играла Лизу... в «Горе от ума»... Знаешь, как мне хлопали! А тебя что — дежурные не пустили?

— Вот еще, выдумала. Да если б я захотел...

— Ага, ага! Значит, сам не захотел... И представляешь, я в одном месте ужасно перепутала. Там, где «хоть я любви сама до смерти трушу, но как не полюбить буфетчика...» — и я вместо «Петрушу» говорю «Лаврушу». Ужас! А потом...

— Вот-вот, расскажи про «потом».

— Про когда?

— Про после спектакля. Мы же договаривались — в девять идем на каток. Скажешь, тоже перепутала?

Димон, не оборачиваясь, выбрасывал слова, и каждое вылетало вместе с белым клубочком пара — направо, налево — точь-в-точь фрегат, ведущий огонь с обоих бортов. Лыжи его ритмично стучали о наст лесной просеки. Стеша изо всех сил старалась не отставать.

— Но ведь я ждала тебя в зале. Я же не виновата, что дежурные не пустили... Конечно, это был вечер старшекласников, кого хотят, того пускают... Я сама прошла

через кулисы... А потом было неудобно так сразу уйти... Мы же все вместе, у нас коллектив...

— Коллектив? Севка Зябликов — вот весь ваш коллектив. Тоже мне, Чацкий из восьмого «б»!

— Димонище, это нечестно!

— Очень даже честно.

— При чем здесь Зябликов?

— А при том.

— Я с ним даже не разговаривала.

— Зато танцевала.

— Ну и что ж такого?.. Он меня пригласил, а я...

— А ты и растаяла. Конечно, восьмой класс! Артист! Да я бы этому артисту...

— Эге-гей! Ребята-а! — донеслось до них сзади.

Давно уже у них не случалось такого увлекательного выяснения отношений. Жалко было бросать. Они нехотя остановились и посмотрели назад вдоль бело-зеленых еловых стен. Там вдалеке Лавруша, выйдя на середину просеки, держал над головой лыжные палки крест-накрест.

— Ну, все, — сказал Димон. — Чуяло мое сердце.

Скрещенные палки на их языке означали: «Что-то случилось, все сюда».

Они повернули и быстро пошли назад по собственному следу. Среди лыж, воткнутых в снег, виднелся Лавруша. Он нагнулся над лежащим Килей и что-то делал с его задранный к небу ногой.

— Как его угораздило? — спросил Димон, подъезжая. — Ведь ни одной горки не было. Обо что он споткнулся? Сам о себя?

— Там корень через лыжню. Натянут, как веревка, а сверху снег. Мы все проехали, снег содрали, вот он и зацепился.

— Ну, Кия, присваиваю тебе новый титул. Теперь ты не счастливчик-бомбометатель, а лыжник-пень-колода-корчеватель. Болит-то где? Здесь? Сильно?

Кия лежал на спине и смотрел на них таким виноватым взглядом, будто его поймали на каком-то некрасивом жульничестве. Лицо его было мокро от тающего снега.

— Ребята, ну что вы стоите? — сказала Стеша, отбирая у Лавруши Килину ногу. — Надо же костер. Быстро.

Пока они скидывали рюкзаки, доставали растопку, топорик и спички, раздували костерок, она расшнуровала и стащила с Кили ботинок, потом носок, потом еще один, потом еще...

— Сколько их у тебя?

— А все, сколько было, — смущенно ответил Килия.

Стеша наконец стянула последний, осмотрела вспухшую лодыжку, покусала губу, нажала там, здесь — Килия терпел, — но когда она начала бинтовать, не удержался — пискнул.

— Димон, — жалобно позвала Стеша. — Помоги. Надо потуже, а он пищит.

— Чуть что — сразу Димон, да? Самый жестокий, самый безжалостный...

— А вот и нет. Просто у тебя характер твердый. Ну, Дима, пожалуйста.

Димон пожал плечами, стянул рукавицы, взялся за конец бинта, сделал страшное лицо... Килия зажмурился и открыл глаза, только когда все было кончено — носки и ботинок надеты поверх повязки.

— А я и не почувствовал ничего, — протянул он с изумлением.

— Пока на спине лежишь, конечно, не почувствуешь. А ты попробуй встать на ноги. Ну что? Идти сможешь?

— Запросто, — Килия попытался даже притопнуть забинтованной ногой. — Хоть двадцать километров.

Но его бодрости хватило ненадолго.

Димон, тащившийся теперь последним, видел, как он хромает все сильнее и сильнее, как повисает всем телом на палках. Через полчаса Килия приостановился, будто бы поправить крепление, и на минуту мелькнуло его лицо, мокрое уже не от снега, а от слез.

Пришлось снова делать привал.

Лавруша извлек свой ремонтный мешочек — кусачки, проволока, шурупы, шпагат, отвертка, изолента, плоскогубцы, гвозди, остальное — непонятно что — и принялся сколачивать Килины лыжи в одну широкую лыжину с площадкой из двух досок посередине. На площадку они привязали самый большой рюкзак так, чтобы Килия мог усесться, как пассажир.

Эти самодельные нарты, эта санитарная упряжка была уже почти готова, когда Лавруша, рывшийся в своем мешочке среди непонятно чего, проворчал, что, может быть, ему наконец дадут возможность закончить работу, перестанут толпиться кругом и заслонять свет.

— Какой свет? Кто тебе...—начал было Димон и осекся. Действительно, стало очень темно. Хотя часы показывали всего два — начало третьего.

Они подняли головы и тут-то наконец заметили ее.

Тучу.

Гигантскую.

Черную.

Затянувшую почти все небо, — только в конце просеки виднелась светлая полоска.

Ни слова не говоря, они поспешно посадили Килю (как тот ни упирался) на рюкзак, застегнули крепления и пошли вперед. Густой снег, будто только ждавший сигнала, повалил на них — стало еще темнее. Вскоре лыжи начали зарываться, исчезать на каждом шагу, как подводные (подснежные?) лодки. Согнутая спина Димона, тащившего Килю на буксире, сам Киля, его плечи, шапка, рюкзак — все покрылось толстой белой подушкой. Первый же порыв вѣтра пылью раздул ее в стороны, понес обратно вверх, бросил в лицо. Верхушки елей нагнулись все в одну сторону, от них пошел ровный шум.

— Димон! — прокричала Стеша. — Может, вернемся? Пока не поздно.

Димон остановился на минуту и оглянулся назад.

— Не-е... Назад еще дальше. Нам бы только поле проскочить, а там...

Они прошли еще сотню метров — просека кончилась. Дальше дорога шла через открытое место. Но никакой дороги, в сущности, уже не было. Еле заметная впадина еще некоторое время указывала им направление, потом и она растворилась среди сугробов.

— Лавруша-а-а! — крикнул Димон. — Правее забирай... На сопку-у!

— Ее не видно-о-о! — донеслось спереди. — Как в молоке... Дальше они брели наугад.

Ветер со свистом налетал на них сбоку, давил, толкал,

залеплял глаза снегом. Стеше иногда казалось, что на этот уплотнившийся воздух можно облокотиться, как на стенку. Но стоило поддаться этому впечатлению, как ветер коварно менял направление, опора исчезала, и она чуть не падала. Лавруша тащился впереди, упрямо согнувшись, прокладывал лыжню. Не было видно ни сопки впереди, ни полосы кустов, от которых следовало сворачивать, ни леса, оставшегося позади. Пальто, свитер, вся одежда, казавшаяся раньше такой плотной и теплой, сделалась как будто вдвое тоньше. Струйки холодного воздуха насквозь прокалывали ее сотнями иголок.

— Стой! — завопил вдруг Кия. — Нашел! Сюда! Чуть не проехали. Вон — глядите.

Отворачивая лицо от ветра, они столпились вокруг него, вгляделись в то место, куда он в возбуждении тыкал варежкой, и тут же испустили радостный вопль.

Колея!

Свежая тракторная колея, едва занесенная снегом! Они чуть не проскочили ее в темноте.

Кия, от радости забыв про больную ногу, привстал на своих «нартах» и, дергая то одного, то другого, с сияющими глазами принимал град похвал и новых прозвищ: трактор-

ный следопыт, открыватель дорог, проводник на прицепе, одноногий спасатель.

И действительно — по колее лыжи пошли гораздо легче.

Правда, она вела не совсем в ту сторону, куда, как им казалось, следовало идти. Но не могло же быть, чтобы трактор отправился в тайгу просто так, на прогулку. Даже если он ехал не к ним в Зипуны, то куда? Конечно, к какому-нибудь человеческому жилью, где тракторист смог бы отдохнуть и обогреться. И прошел он совсем недавно — выпавший снег едва покрывал отпечатки гусеничных траков. Нет, надо идти и идти по этой невесть откуда свалившейся на них тракторной тропе. Куда-нибудь ведь она должна привести!

Через полчаса Лавруша сменил Димона в «упряжке», потом они поменялись снова, потом — еще раз.

Кругом было все так же черно и мутно.

Ветер по-прежнему давил на них, как плотная и холодная резина, обтягивал лицо, грудь, ноги. По изменившемуся шуму они догадались, что кругом опять лес, хотя самих деревьев не было видно. Закоченевшими пальцами Димон нащупал фонарик и посветил на часы. Обе стрелки, вытянувшись в прямую линию, делили циферблат пополам: шесть. Если бы невидимый трактор ехал в Зипуны, они

давно должны были быть дома. А раз ни Зипунов, ни другой деревни не видно, значит. . .

Он решил пока не говорить остальным, но они и сами уже все поняли. Им доводилось, конечно, слушать рассказы взрослых о людях, заблудившихся зимой в тайге, но истории эти казались тогда какими-то далекими, вроде приключений из книжки. И всегда думалось: что ж он компас не взял? Или: надо было ему зарубки делать на деревьях, чтобы не возвращаться на то же место. Или: вырыл бы себе в снегу пещеру и переждал.

Что такое может случиться и с ними — это как-то не укладывалось в голове.

Но вот оно случилось, и все спасительные планы, выглядевшие такими простыми у теплого печного бока, оказались совершенно непригодными, когда кругом свистящая чернота, пальцы ног и рук будто уже отвалились — не чувствуются, плечи разламываются, колени не сгибаются. . . И единственная ниточка, связывающая тебя с миром людей и теплоты — неверная колея, ведущая неизвестно куда, — и та постепенно исчезает под падающим снегом.

Через час они сбились в кучку и съели все, что у них нашлось: булочку от завтрака, Стешину плитку шоколада и пригоршню семечек, которую Лавруша вез своему ручному хомяку.

Разговаривать не хотелось.

Только Кия время от времени бормотал себе под нос: «Ох, из-за меня это все, верно вам говорю, из-за меня, бросьте вы меня здесь, может, утром кто проедет и подберет». На него шикали, просили «не травить душу».

Дальше шли, не глядя на часы, не глядя по сторонам, почти механически.

Они уже были в том состоянии, когда даже думать не остается сил. Только вслушиваешься в то, что происходит внутри, в нытье и жалобы всех мышц.

«Куда! Куда вы снова взвалили на меня эту тяжесть, — будто восклицает левая нога. — Уберите ее немедленно! Я не выдержу».

И ты послушно убираешь, переносишь вес тела на правую, но и правая тут же начинает вопить, чтоб убрали, что она не железная, что хватит! И тогда переносишь на руки,

повисаешь на ходу на палках, давая короткую передышку ногам. И снова: на левую, на правую, на руки. На левую... На правую... На руки...

И поверить невозможно, что где-то люди сидят в светлых комнатах. И от батарей пышет таким жаром, что кто-то может сказать: «Ух, жара!» — и стянуть свитер через голову. Что в интернатской спальне рядами стоят кровати под синими одеялами. Такие кровати, что повалиться бы на них и лежать, лежать... То-то блаженство!

А какие мягкие кресла расставлены внизу в вестибюле.

А как хорошо в зале!

Там сейчас, наверно, сдвинули елку в сторону, чтоб не мешала показывать кино, и можно было бы усесться в ряду за проходом и сидеть, расслабившись, никуда не брести, не сжиматься от холода, не нащупывать онемевшими ногами узкую полосу твердой колеи, которая...

Лавруша, шедший впереди, едва успел затормозить.

Лыжи его проехали немного по инерции и уперлись в какую-то темную громаду, выросшую внезапно из снежной свистопляски.

— Ребята! — завопил он что было сил. — Скорее! Здесь трактор! Я чуть не врезался.

Но нет — на трактор это было мало похоже.

Скорее — на танк. Только без башни и без пушки.

Остальные бросились вперед так, будто спешили на поезд, который мог вот-вот уйти.

— Вездеход! Ясное дело, это вездеход! — прокричал подоспевший Димон.

Он сбросил с плеча буксирную веревку, отстегнул лыжи и взобрался на левую гусеницу. Луч фонарика скользнул по заснеженным стеклам кабины, лязгнула железная дверца.

Трое внизу ждали, затаив дыхание.

Потом светлое пятно появилось снова — и до них донесся упавший голос Димона:

— Никого... Пусто.

Тут же ветер, будто набрав новые силы, завыл еще сильнее, еще гуще наполнился снегом и понес его засыпать, сглаживать, топить цепочку оставленных ими следов.

— Но не мог же он сам! Сам заехать сюда.

— Почему не мог? А если он с телеводителем? Управляется по радио — очень просто. Телекамера показывает, что впереди, перед фарами, оператор сидит себе за сто километров у пульта и управляет. Как луноход — видала?

— А где же у него телекамера? Или этот — телеводитель? Ну, где?

— Не знаю. Может, вот здесь?

— Не-е, это ящик для инструментов.

— Лавруша, попробуй все же — нажми какую-нибудь педаль.

— Ты что?

— Мотороллер же ты умеешь водить.

— Сравнил тоже.

— Вездеход, конечно, труднее, зато правил никаких не нужно. Развернулся бы и пошел-поехал.

— Говорят тебе — мотор не завести. Зажигание — вот оно, а ключа нет.

— Да, хорошо бы на таком въехать в деревню. Шикарно.

— Перестаньте. Если все начнут разъезжать на оставленных вездеходах, знаете, что получится?

Киля вдруг засопел, потянулся вниз, проснул руку между сиденьем и дверцей и поднял с пола какой-то предмет. В луче фонаря мелькнули крупно напечатанные цифры: 1877.

— Что ты мне тычешь? — спросил Димон. — Сигарет не видел? Обыкновенная пачка «Шипки».

— А ты? — Лавруша протянул к пачке руку. — Ты видел когда-нибудь курящего телеводителя?

Ребята затихли.

Вой ветра за окнами кабины из монотонного сделался зловещим. Неясное предчувствие беды повисло в воздухе.

— Может, он где-нибудь недалеко, — тихо сказала Стеша. — Никакой не «теле», а настоящий — живой. Может, лежит сейчас в снегу и замерзает.

— Если недалеко — почему же он тогда не вернулся? Включил бы мотор, отопление и согрелся.

— Мало ли что могло случиться. Провалился в яму. Ногу

подвернул, как Киля. Придавило упавшим деревом. Я не знаю, но может быть...

— Что?

— Может, все-таки пойти поискать? Для очистки совести. Никто ей не ответил.

Вылезать снова наружу — об этом и думать не хотелось. Кабина тоже успела промерзнуть, но в ней хоть не дуло. Одно из стекол ослабло под снежным напором и теперь отзывалось на каждый новый удар жалобным дребезжанием.

Димон наконец не выдержал — вздохнул и полез к выходу.

— Только не отходи далеко. — Стеша придержала его за полушубок. — Покричи немного и сразу возвращайся.

Казалось, она сама уже была не рада, что завела разговор про поиски.

— Ладно, — отмахнулся Димон. — Держи вот спички. Будешь зажигать их по одной. Вместо маяка.

Снежный бурун ворвался в приоткрывшуюся дверцу. Заслонившись локтем, Димон нырнул в него, как в воду, и исчез. Два раза до них слабо донесся его голос, мелькнул луч фонаря — потом все пропало.

Стеша чиркнула спичкой. Огонек осветил приборы, зажмурившегося Килю, цветную картинку, наклеенную рядом со спидометром, — бегун с факелом в руке. Спичка горела, постепенно выгибая из пламени головку на черной шее, и Стеша держала ее, сколько хватало сил терпеть. Будто ее обожженный палец мог кому-то помочь.

— Киля, ты чего? — тихо спросил Лавруша.

— Чего?

— Сопишь как-то жалобно. Нога болит?

— Не.

— А что тогда?

— Мать жалко. Извелась, поди.

— А моя, думаешь, нет? Твоя-то хоть смелая, виду не покажет. А моя небось молиться уже начала. Если я заболею или что, она сразу — бух рядом с бабкой на колени. И крестятся, и бормочут, и лбом в пол стучат. Ужас...

Стеша успела сжечь полкоробка, прежде чем они услышали лязг дверной ручки и облепленный снегом Димон ввалился в кабину.

— Ребята... там... внизу... — Голос его дрожал от еле сдерживаемого ликования. — Только, чур, спокойно... На пол не падать... Сознания не терять...

— Ну, что?

— Говори!

— Водителя нашел?

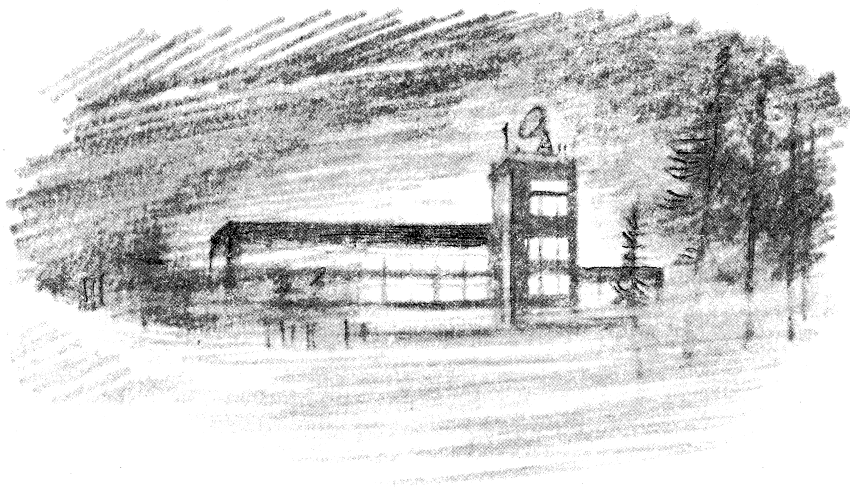
— Нет?

— Дорога? Шоссе?

— Да не томи!..

— Там... — Димон для пущего эффекта сделал торжественную паузу, потом вдруг надвинул Киле и Лавруше козырьки шапок на глаза и заорал во все горло: — Там дом!

Слышите — до-о-о-ом! Настоящий! Трехэтажный! И окна! .. Светятся! ..

Их будто подбросило.

Давясь в дверях и тузя друг друга, они посыпались вниз, подхватили валявшиеся лыжи и палки и двинули вслед за Димоном напрямик через снежную целину. Даже Киля забыл про боль в ноге и отталкивал протянутые руки — сам, сам! Ни жуткий вой, ни чернота, ни ветер, хлещущий по лицу, не казались больше страшными, раз поблизости была такая великая, такая прекрасная, такая обычно не замечаемая вещь — ДОМ! Человеческое жилье!

И действительно, продравшись по пояс в снегу через кусты на опушку леса, они увидели внизу ряд светящихся пятен. Пологий склон, уходивший в темноту, был вылизан ветром дочиста, зато у самой подошвы намело так, что можно было провалиться по шею.

— Вплывь! Айда в плывь! — орал Лавруша, гребя по снегу руками.

— Киля, греби брассом!

— Ой, тону!

— Сюда, ребята, здесь мелко...

— А я уже выбрался...

— И я...

— Здесь стена какая-то.
— А казалось — еще далеко.
— Нет, это склад, наверно. Без окон.
— Дом-то вон где.
— Гляди — трехэтажный!
— Куда это нас занесло?
— Может, Ночлегово.
— Сказал тоже. В Ночлегове и домов-то таких громад-
ных нет.

— Эй, здесь какой-то окоп.
— Тропинка засыпанная, а не окоп.
— И дверь в конце.
— Стучи, Димон!
— Откройте, пожалуйста!
— Да она не заперта.
— Вали, ребята!

Дверь распахнулась, плеснула им в лицо ярким светом, и такие вот — полуослепленные, полузадохнувшиеся, полужакоченные — они ввалились в дом, в комнату, в залу — не понять было сначала, что это такое, но главное — тепло.

— Здравствуйте! — сказала Стеша, приоткрывая один глаз. — Можно войти?

Никто ей не ответил.

Они стояли на пороге, с ног до головы обсыпанные снегом, и первые темные струйки талой воды скапливались на полу вокруг их ботинок. Способность различать цвета и звуки постепенно возвращалась к ним, и скоро стало понятно, что большой стол посредине вовсе не стол, а плита, что белые шкафы вдоль стен, скорее всего, холодильники, и вся комната не может быть ничем другим, как кухней ресторана или кафе. И верно — в стене напротив темнело узкое горизонтальное окно (раздача?) со стопками пустых тарелок.

Лавруша первый подошел и просунул в него голову.

— Есть кто-нибудь?

Голос его облетел полутемное кафе, заставленное рядами столиков, увешанное новогодними гирляндами, и одиноко вернулся обратно. Рядом с окном-раздачей была дверь, соединявшая кухню с кафе, но она оказалась запертой.

— Куда же все подевались?

— Может, поужинали и разошлись. А кухню заперли снаружи. В санаториях рано ужином кормят.

— С чего ты взял, что это санаторий?

— Ну, дом отдыха. Стоит себе посреди леса, а мы и не слышали о нем. На первом этаже столовая, наверху спальни, библиотека, телевизор. Может, даже кинозал есть. Дом-то огромный, видала?

Они прислушались.

Кинозал — такое объяснение вполне годилось. Все ушли смотреть фильм, и поэтому и пусто, и голосов не слышно, вообще никаких человеческих звуков. Только воет за окнами и электричество верещит в неоновых трубках под потолком.

А фильм, наверно, такой интересный, что все сидят затаив дыхание. И в нем нет ни взрывов, ни стрельбы, ни громкой музыки, поэтому сюда в кафе и не доносится ни звука. Такой мягкий лирический фильм с летними пейзажами, может, с морем, и на море яхты, красный надувной матрац качается на волне, на нем сидит белая птица, вертит головой по сторонам, оглядывается...

— Киля! — воскликнула вдруг Стеша. — Как тебе не стыдно?

— А фто такое? — Киля от неожиданности чуть не выронил бутерброд с ветчиной.

Он стоял у холодильника спиной к остальным, но даже сзади было видно, как у него оттопырились щеки.

— Немедленно положи назад. И не смей ничего брать без разрешения.

— А ефли я уже укуфил?

— Все равно.

Киля перестал жевать, покосился на них, потом сунул руку в карман и прощамкал что-то такое, из чего можно было понять, что он не просто берет, а заплатит деньги, у него есть «вубль» — вот, пожалуйста.

— Все равно это нехорошо, — не совсем уверенно сказала Стеша. — Некрасиво.

Киля немного подумал — хорошо или нет? — потом решительно положил рубль на полочку, запустил руку в холодильник и извлек еще один бутерброд.

— А правда, ребята, — протянул Лавруша. — От холода

спаслись, не погибать же теперь от голода. У меня, например, тоже есть полтинник.

— Быка жареного — не знаю, а овечку бы я сейчас съел, — подтвердил Димон.

Они умоляюще посмотрели на Стешу.

Она некоторое время крепилась, но тут коварный Киля будто случайно распахнул — нет, не дверцу, а настоящие ворота огромного холодильника. Этого они не могли выдержать.

Чего там только не было!

Целые подносы с пирожными, блюда студня, украшенные нарезанными цветами из морковки, жареные котлеты, сыр, банки компота, горшочки со сметаной, золотистые копчушки, гирлянды сарделек, бутылки лимонада — и все это сверкало, манило, переливалось. Ну у кого хватило бы сил стерпеть такое? Во всяком случае, не у тех, кто завтракал в девять, а на обед имел кусок булки с семечками.

Десять минут спустя они уже пировали вовсю.

В дальнем углу Лавруша обнаружил ящик на колесиках и в нем термосы с горячим сладким чаем. Какое это было блаженство — сидеть, поскидав куртки и полушубки, за кухонным столиком, чувствовать, как теплота разливается внутри широкой волной, как начинают зудеть под притоком вернувшейся крови заочевенные пальцы на руках и ногах, как расслабляются одеревеневшие мышцы. Деньги, какие у кого нашлись, лежали тут же рядом, — если кто войдет, пусть у него и мысли не мелькнет, что они какие-нибудь нахалы-налетчики.

— Нет, вы только представьте себе, что бы с нами было, если б не Киля! — разглагольствовал Димон, подливая себе чаю из термоса. — Разве кто-нибудь из нас сумел бы так вовремя подвернуть ногу? Да никогда. Мы бы тихо-мирно доплелись до своих Зипунов, и что? Стеша бы сейчас с выражением читала в клубе «Выхожу один я на дорогу», я бы по дружбе подсказывал ей пропущенные слова, а бабка Агафья опять рыдала на строчке «но не тем холодным сном могилы» (Нет, нет, драться нечестно!), Лавруша кормил бы своего хомяка и мечтал бы, мечтал...

— О чем?

— Ну, не знаю. О слоненке. Об удавчике. О домашнем

зверинце. Я хочу сказать, что все было бы, как в прошлом году и в позапрошлом...

— Разве в прошлом плохо было?

— Подожди. Представьте теперь, что тот же Киля, усаженный на рюкзак и едущий по снежной пустыне, не глядит зорко по сторонам, а только плачет, стонет и охает. Что получится? Мы проходим мимо волшебной колеи и пропадаем в дикой чаще. Мы не попадаем в этот волшебный дворец.

— Что в нем волшебного?

— Все! Все, начиная от скатерти-самобранки...

— Холодильника-самобранца.

— ...кончая тем, что тепло. Как в Крыму. Но знаешь ли ты, великий ломатель ног и открыватель путей, что на твоём месте я бы не торопился радоваться. Я бы не сидел с набитым ртом, не сиял глазами и носом, а вспомнил кое-какие сказочные истории, читанные в детстве.

— Мальчик с пальчик?

— Или Баба-Яга. А ещё лучше — Аленький цветочек. Помнишь, что там бывает обычно, когда заблудившийся путник набредет в лесу на сказочный замок, на такой вот санаторий на курьих ножках? Да-да, ты правильно вспомнил: обычно появляется чудовище.

— Рр-ы-ы! Ррр-ры! — Лавруша соорудил такую страшную гримасу, что Киля даже взвизгнул — то ли от страха, то ли от восторга.

— И добро, если над ним нужно только поплакать, — продолжал Димон. — Стеша с этим справится, их в театральном кружке специально обучают лить слезы по заказу. А если это чудовище...

— Ну, хватит, — сказала Стеша. — Тебе обязательно нужно меня обидеть.

— Чудовище или нет, а хорошо бы все-таки найти хозяина. Или хозяев, — поправился Лавруша. — И показать-ся им, чтоб знали, что мы здесь.

— Успеется. Мы же убежать не собираемся. Я, по крайней мере, с места не двинусь.

— Не убежать, а попросить, чтобы они позвонили нашим в Зипуны. У них здесь должен быть телефон или что-нибудь.

— Ой! Мои, наверно, с ума сходят.
— И мои.
— А мы сидим тут, пируем, как в ресторане.
— Я сейчас, — сказал Киля и захромал к раздаточному окну. Туловище его исчезло в полутемной щели, мелькнули ботинки, едва не сбив стопку тарелок. Через минуту он уже звякал то ли ключом, то ли задвижкой и открывал им дверь с другой стороны.

— Прошу!

Лицо его, несмотря на запугивания Димона, по-прежнему сияло.

Ребята встали из-за стола и один за другим пошли к дверям. Перед тем как перешагнуть порог, каждый задерживался на секунду — поправить волосы, вытереть губы, застегнуться. Кухня уже казалась им своей, домашней, само же кофе — полутемное и пустое — немножко пугало.

— Ого, вот это елочка!

— Не хуже, чем у нас в интернате.

— И картинки по стенам.

— Сатира и юмор.

— Смотри, какой старикан.

— Умора!

— А посередине-то круг, как стеклянный.

— Неужели для танцев?

— А то нет! Столики кругом, вон там — музыканты.

Они переговаривались почему-то шепотом и осторожно пересекали полутемную залу. Свет в нее падал только сзади, из кухни, и еще впереди светилась вертикальная полоска. Они дошли до нее, Димон подергал рукоятку и не сразу понял, что эта дверь не на петлях, а на роликах — откатывается. Лавруша толкнул ее вбок, дверь неслышно отъехала, и они так и застыли на пороге, прижавшись друг к другу и невольно отшатнувшись от того, что увидели.

В ярко освещенном вестибюле, на полу, почти у их ног ничком лежал человек в белом халате.

Немного подальше, привалившись спиной к стене, глаза широко открыты, остановившийся взгляд, — еще один.

Наверх шла лестница, и на верхней площадке, свесив руку в щель между прутьями перил, — третий.

То, что карта была цветная, особенно бросалось в глаза рядом с белым экраном, висевшим тут же на стене. Коричневые многоугольники города, синяя полоса реки и над ней — восходящими клубами зеленые пятна — лес. Паутина проселочных дорог редела к краям, но и там даже маленькие деревеньки, мостики через ручей или островки на реке были вырисованы очень тщательно, некоторые названия подчеркнуты красной чертой.

Такая же красная пунктирная черта шла от города в правый верхний угол.

Дымящаяся сигарета, зажата в цепких пальцах, описав дугу вдоль этой черты, застыла на секунду в воздухе, затем вернулась в светлую гущу бороды и усов. Человек затаился и продолжал с середины фразы:

— ...обычная трасса нашего вертолета. При спокойной погоде долетаем за тридцать — сорок минут. Можно было бы, конечно, и по прямой, но выигрыш времени пустяковый, а с наземными ориентирами гораздо хуже. Да и опуститься негде в случае чего — сплошной лес и сопки.

Бородач изобразил ладонью в воздухе, какие они неровные, эти сопки.

Его собеседник кивнул и что-то записал в блокнот. На нем была милицмейская форма с новенькими погонами — капитан.

— Ну, а если буран? Снегопад? Такое, наверно, уже бывало раньше? И не раз.

— Тогда — вездеход. Он идет, конечно, не так быстро, но часа за три доползает. Груза поднимает столько же и вообще надежнее, но мы пользуемся им только в крайнем случае. Ближе, чем на полкилометра к «Карточному домику» подъезжать ему запрещено. Так что приходится все перегружать в обычные сани и дальше тащить так — когда лошадей, когда вручную. Удовольствие, сами понимаете, маленькое.

— Да, кстати, я с самого начала хотел спросить: почему так далеко от города и от шоссе? И почему нельзя близко подъезжать? И откуда такое название: «Карточный домик»?

— Вы правы — это существенно. Если бы позволяло

время, я прочел бы вам подробную лекцию, но времени нет — постараюсь покороче.

Оба вернулись к длинному столу, делившему кабинет на две равные части. Один конец стола был застелен листом ватмана и уставлен пепельницами, коробками с сахаром и печеньем, бутылками минеральной воды. Пожилая женщина с пышными седыми волосами, сидевшая там же, разлила по чашкам дымящийся кофе.

— Спасибо, Тамара Евгеньевна. Нет, сахара не надо. Может, товарищу капитану... Тоже нет? Боюсь, что за эту ночь нам предстоит опорожнить не один кофейник.

Он опустился в кресло и так сильно расправил плечи, что олени на его свитере словно бы отбежали один от другого.

— Вы спрашиваете, почему «Карточный домик»? Видите ли, за последние десять лет в науке все чаще приходится пользоваться сверхчувствительными приборами. И, с точки зрения этих приборов, жизнь в городах — сплошная тряска. Проедет груженный самосвал, заработает где-нибудь по соседству отбойный молоток, и их стрелки немедленно начнут прыгать из стороны в сторону. Установите их на самом прочном, массивном фундаменте, им все равно будет казаться, что он постоянно дрожит, вибрирует, вздрагивает. И они отказываются работать в подобных условиях с нужной точностью.

— Этакie принцессы на горошине, — вставил капитан.

— Вот-вот. Что же получается? Микроскопические колебания почвы и зданий могут исказить, свести на нет результаты тончайшего многодневного эксперимента. И добро бы только механические вибрации. А что творится в эфире! У вас есть радиоприемник?

— Конечно.

— Если у проезжающего троллейбуса сорвется штанга или нерадивая хозяйка в соседнем квартале устроит короткое замыкание, вы услышите потрескивание — и все. А для некоторых чувствительных радио- и телесистем это будет тем же самым, что, к примеру, для телескопа — птица, усевшаяся на его объектив. Поэтому и было решено для всех сверхчутких, сверхтонких, сверхчувствительных «принцесс» выстроить специальный институт. Вдали от всего

трясущегося. На идеально спокойной земле. С идеально чистым, непотревоженным эфиром. Наш «Карточный домик».

— Наш? Вы все еще называете его нашим, — с раздражением сказала женщина.

Бородач раздавил в пепельнице окурок и успокаивающе похлопал ее по руке.

— Тамара Евгеньевна была против того, чтобы этот институт взваливали нам на шею. Действительно, тяжело. Но уж очень место для строительства было удобным. Промышленных предприятий поблизости никаких. Сейсмическая активность (отголоски дальних землетрясений) почти не чувствуется. И в эфире все спокойно — даже грозы редко бывают. Так что пришлось согласиться. До сих пор, кажется, справлялись, и неплохо, а тут... Тут такое дело, что без вашей помощи не обойтись.

Капитан задумчиво пощипал себя за переносицу.

— Да, задача... Что же там произошло, в вашем «Карточном домике»? И произошло ли? Ведь пока единственное событие, достоверно известное нам, — обрыв связи.

— И пропажа вездехода с водителем.

— И еще выстрелы у домика лесника, услышанные Андреем Львовичем по радиотелефону.

Капитан положил перед собой блокнот и повертел в пальцах кофейную ложечку.

— Давайте еще раз по порядку. Первая версия, самая простая: в «Карточном домике» испортился передатчик. Радио — вещь хрупкая. Лампы, конденсаторы, питание... Раньше такое случалось?

— Да, один раз. Этим летом. Но тогда через полчаса починили. Мы даже встревожиться не успели по-настоящему. Честно говоря, и сегодня надеялись, что то же самое.

— Надеялись и поэтому не очень спешили что-нибудь предпринимать?

— Видите ли... Это не так просто. Вертолет был как раз послан на задание. Там к северу у нас еще один филиал. Что же касается вездехода...

— Андрей Львович — вы опять?! — Тамара Евгеньевна возмущенно всплеснула руками. — Опять собираетесь всю вину взять на себя?

— С чего вы взяли?

— Вы опять заговорили тоном провинившегося школьника, готового у всех просить прощения.

— Я, собственно...

— А вы? — Тамара Евгеньевна решительно повернулась к капитану. — Что вы имеете в виду под «не спешили принимать»? То, что директор научного городка в выходной праздничный день немедленно бросает все семейные дела и мчится в свой кабинет по первому знаку тревоги, — это называется «не спешили»? Через полчаса вызван обратно вертолет, организовано постоянно дежурство в радиорубке, вездеход снаряжен и заправлен топливом — тоже «не спешили»? А где искать водителя? И не любого, а такого, чтоб знал дорогу к «Карточному домику»? Ну, где? Где он проводит свой выходной, первый день Нового года? Догадаться.

— С детьми гуляет?

— Холодно.

— С женой в кино?

— Еще холодней. Причем, холоднее — в буквальном смысле. На подледной рыбалке — вот где. Пять километров вверх по реке. Попробуйте-ка отыскать его там, попробуйте оторвать от лунки этого маньяка, когда у него, видите ли, как раз начался клев.

— Ну, Тамара Евгеньевна, полно вам. Какой же Сазонов маньяк. Вполне солидный, надежный человек, опытный водитель...

— А когда вызванный вертолет наконец вернулся и еле смог приземлиться под начавшимся ветром, — по-вашему, надо было немедленно отправлять его в новый полет? Навстречу пурге? Или оставить все другие попытки установить связь, а вместо этого преспокойненько усесться в кресле и, постукивая ложечкой по чашке, начать искать виноватых?

Капитан покраснел и отбросил ложечку так, что она скапала с ватмана на полированную поверхность стола.

— Извините. Я, кажется, схлопотал выговор. Впрочем, вполне справедливый. Еще раз прошу простить.

— Давайте не будем отвлекаться, — смущенно теребя бороду, вмешался директор. — Мы рассматривали первую

версию: случайные технические неполадки в передатчике. Какие у нас «за», какие «против»?

— Случайности, конечно, бывают на свете, и любая техника может отказать. Но почему тогда замолчало радио вездехода? Совпадение случайностей? По теории вероятностей это невозможно.

— Последнее сообщение от Сазонова мы получили часа в три. Он сказал, что добрался благополучно, остановился, как положено, за полкилометра. Ничего необычного в «Карточном домике» не заметил, если не считать, что в некоторых окнах горит свет. Днем — немного странно? Правда, издали из-за начинавшейся пурги видно было плохо. Последние слова его были: «Оставляю вездеход, иду в сторону домика». И все.

— Вот видите. Значит, радио у этого рыболова работало нормально. То есть нет сомнения, что и с ним что-то случилось. Поэтому я считаю, что первую версию можно отбросить.

— Что же остается?

— Второе возможное объяснение: случилось что-нибудь серьезное. Взрыв. Пожар. Там хранилось что-нибудь взрывоопасное? Ядохимикаты? Радиоактивные вещества? Припомните подробно.

— Да, во второй лаборатории был уран. Но очень немного и вполне надежно упакованный. Бактериологи, вирусологи — эти слишком опытные и осторожны. Они вне подозрений. У химиков, кажется, нитроглицерин, но тоже чуть-чуть — в лабораторных дозах.

— А у Сильвестрова? — вмешалась Тамара Евгеньевна.

— Нет, у него ничего опасного.

— Но сам его аппарат? Это мерзопакостная «Мнемозина»?

— Тамара Евгеньевна, — директор старался говорить подчеркнуто спокойно, не поднимая глаз от сцепленных пальцев, — я вынужден третий или четвертый раз напомнить вам: ученый секретарь большого научного городка не может позволить себе поддаваться чувству личной антипатии к кому бы то ни было.

— Да я не личной! То, что этот Сильвестров мне мало-симпатичен, не играет здесь никакой роли. Сама идея —

вот что меня возмущает. И кто бы ни занялся ее разработкой, пусть даже вы, — я все равно была бы против. Залезать в человеческую память! Стирать в мозгу «ненужные» воспоминания. Ненужные?! А кто это может определить, какие нужные, какие — нет. И как только разрешили заниматься подобными исследованиями!

— Кто этот Сильвестров? — спросил капитан.

— Заведующий четвертой лабораторией в «Карточном домике». От Академии медицинских наук. Тамара Евгеньевна сильно преувеличила — никто не собирается вторгаться в человеческую память. Речь идет лишь о лечении психических травм или душевных расстройств, вызванных тяжелыми воспоминаниями. Об ослаблении отрицательных эмоций, когда они делаются опасными для здоровья.

— О да! Покончить с любым человеческим горем радиомеханическими средствами. Прекрасная мысль!

— А что за аппарат у него? Как вы его назвали?

— «Мнемозина». Так звали богиню памяти у древних греков. Он работает на принципе биорадиоволн. Вы, наверно, слышали о биотоках мозга? Это связано одно с другим, но биологическое радио — область новая и очень мало изученная. Идея Сильвестрова: установить радиосвязь с клетками головного мозга, как бы нащупывать их частоты и затем включать глушащее устройство, добиваться того, что академик Павлов называл торможением некоторых участков коры больших полушарий.

— Действительно, выглядит довольно рискованно. Удалось ему чего-нибудь добиться?

— Безусловно. Правда, много времени ушло на отладку системы, монтаж, первые пробные опыты на животных. И все же прошлой весной он смог уже кое-что показать (каждая лаборатория время от времени делает сообщения о своей работе для всего городка — обмен идей, расширение кругозора). Сильвестров демонстрировал любопытные феномены: собаку, дружно живущую с котом, лису — с курами.

— Дрессировка?

— В том-то и дело, что нет. Это сразу бросалось в глаза. Животные вели себя так, будто у них... Будто они снова вернулись в младенчество, стали щенком и котенком, лисен-

ком и цыплятами. Видели в зоопарке площадку молодняка? Вот и у этих была точно такая дружба. Доклад произвел большое впечатление, но сам Сильвестров не выглядел довольным. «Да, — говорил он, — я могу снять память слой за слоем. Да, могу остановиться в любой момент и оставить животное в заданном возрасте — год, шесть месяцев, два. Но ведь задача состоит не в подавлении в с е й памяти — это было бы преступлением, — а в выборочном нащупывании болезненных мучительных воспоминаний. И до этого так же далеко, как в начале пути». Помню, сам он показался мне тогда очень усталым и измученным. Более подробно о его работе рассказать не смогу — не специалист. Да и вряд ли здесь, в научном городке, кто-нибудь сможет.

— Если не считать Русадзе, — негромко произнесла Тамара Евгеньевна. — Она прилетела позавчера последним рейсом вертолета.

— Этери прилетела? Что же вы сразу не сказали. Это ассистентка Сильвестрова, работает вместе с ним в «Карточном домике».

Капитан быстро повернулся к Тамаре Евгеньевне.

— Надо пригласить ее сюда. Где она остановилась?

— В этом же здании, в другом крыле. Но боюсь, она уже легла спать.

— Даже если спит — придется разбудить.

Голос его почти не изменился, лишь паузы между словами стали чуть подлиннее. Тамара Евгеньевна молча кивнула и вышла из кабинета.

Директор вытащил новую сигарету из пачки, вставил ее под усы и сказал:

— Мы пока рассмотрели лишь две версии. И почему-то упорно не хотим касаться третьей. А ведь она бы все объяснила.

— Вы имеете в виду нападение неизвестных злоумышленников?

— Да.

— Действительно — и выстрелы, и молчание передатчика, и пропажа вездехода с водителем... Все укладывается в эту версию, и никаких противоречий не остается. Формально мы не имеем права полностью ее отбрасывать.

Директор встал, подошел к окну и некоторое время всматривался в летящую белесую муть с каким-то подобием надежды — не слабеет ли? Потом, пробормотав: «У-у, стихия чертова!» — быстро вернулся к столу.

— Слушайте, товарищ капитан...

— Сергей Тимофеевич.

— Сергей Тимофеевич, а не слишком ли мы затянули наши обсуждения? Не пора ли нам кончить размышлять да прикидывать и перейти к делу? Собрать всю снегоочистительную технику, которая ползает сейчас по улицам, выстроить ее в колонну и бросить в поход во-о-он к тому маленькому квадратику в углу карты.

— Прямо сейчас? Ночью?

— Ночью, конечно, по бездорожью не дойдут. Но хоть первую четверть пути — по шоссе. Чтобы к рассвету были за мостом. Так сказать, на исходных позициях.

— До рассвета еще далеко.

— Что же, нам так и сидеть сложа руки?

— А что вы предлагаете? Оставить город без защиты? Он к утру будет завален снегом по самые окна. Завтра рабочий день — никто не сможет попасть на работу. Прекратится подача воды, электричества, «скорая помощь» не приедет к больному, в магазины не привезут хлеб. Да что мне вам объяснять... Жизнь остановится.

— А если там остановится чья-то жизнь? Может, уже сейчас останавливается. И не одна. Там сорок человек. Сорок жизней.

Капитан помолчал, посмотрел на карту, на белый экран, потом отпил глоток остывшего кофе и задумался, разглядывая узор на чашке — серебряные листья по темно-синему фону.

— Знаете, Андрей Львович, я вспомнил сейчас одну историю военных времен. Может, она не совсем к месту, но все-таки... Начало второй мировой войны, тысяча девятьсот сороковой год. Фашистская Германия захватила уже Австрию, Чехословакию, Польшу. И явно не собирается остановиться на этом, готовит новые удары. Но где? В каком месте ждать нападения? И вот английская разведка получает сообщение: завтра, девятого апреля, немцы высадятся в Норвегии. Что ж, английский флот гораздо сильнее

немецкого. Стоит только перебросить его от берегов Англии к берегам Норвегии — и любой немецкий десант будет разгромлен. Но сообщение о высадке только одно — от одного-единственного агента. А что, если он ошибся? Или подкуплен? И удар на самом деле готовится по самим Британским островам. Вот я назначаю вас командующим английским флотом. Отдали бы вы приказ идти к Норвегии? Рискнули бы оставить без защиты свой берег?

— Не знаю. Ответственность, конечно, ужасная, но... Наверно, я... Впрочем, нет. Приказал бы не двигаться с места.

— Вот и английское адмиралтейство поступило так же.

— И что?

— Девятого апреля тысяча девятьсот сорокового года все основные города и порты Норвегии были захвачены немцами одновременным ударом с моря и с воздуха.

— Ага! — Вот видите. Пример оборачивается против нас.

— Возможно. Я только хочу сказать: что бы мы ни решились, ответственность все равно ляжет на нас. И огромная. Но до утра мы все равно бессильны. Единственное, что нам пока остается — думать. Перебрать все возможные варианты. Чтобы те, кто утром отправятся на помощь, хотя бы знали, что их может ждать. Чтобы, по крайней мере, их не постигла судьба водителя вездехода.

— Что значит «те, кто отправятся»? Да я сам...

В это время дверь открылась, и директор быстро пошёл навстречу вошедшей вслед за Тамарой Евгеньевной девушке — маленькой, черноволосой, шубка наброшена на плечи, тоненькая рука сжимает меховой воротник у горла.

— Этери, до чего вы кстати! Вы просто не представляете, как вы нам нужны.

Девушка, щурясь на яркий свет, слабо улыбнулась ему, но вдруг, заметив за столом капитана, отдернула протянутую руку и чуть отшатнулась.

— Милиция? Что-нибудь случилось? Почему вы меня не предупредили про милицию?

Тамара Евгеньевна молча пожала плечами, взяла пустой кофейник и вышла из комнаты.

До сих пор Стеша считала, что на свете нет и не может быть ничего страшнее, чем выйти на сцену и забыть слова роли. Когда такое снилось, она просыпалась и бежала босиком к книжной полке — подучить. Лавруше нынешним летом пришлось своими руками пристрелить истерзанного совой зайчонка — в его жизни это было пока самое страшное. Киля уже привык ко всем своим несчастьям и боялся лишь одного: подбежит он однажды утром к своим новым друзьям, а они ему снова скажут: «Не ходи за нами». Димон боялся зубного врача, но в сто раз сильнее боялся, что Стеша узнает об этом. То есть каждый из них уже имел какое-то понятие о том, что значит «страшно», «очень страшно», «мороз по коже».

Однако такого переживать им еще не приходилось.

Они, не сговариваясь, попятились обратно в кафе, задвинули дверь и замерли там в полутьме, тяжело дыша и стараясь хоть локтем, хоть костяшками пальцев касаться друг друга.

— ... ак он... ак он на меня... оглядел... — прошептал Киля, проглатывая половину согласных.

Стеша нашла руку Димона, вцепилась в нее и с надеждой заглянула в лицо:

— Дим?... А они живые?

— Не знаю. Надо бы посмотреть.

— Ой, не смей!

— Тебя не поймешь. То посылаешь искать-помогать, то не пускаешь...

— А вдруг нас заметят?... Те, другие.

— Кто?

— Которые это сделали.

— Ты думаешь, что кто-то пришел раньше нас и...

Они прислушались.

Полумрак и тишина кафе, казавшиеся раньше уютными, теперь грозно надвинулись на них; от черного квадрата окна опять повеяло жутью. Даже елочные украшения превратились в десятки злых глазок, мерцающих из угла.

Лавруша тем временем, согнувшись и бормоча что-то

себе под нос, возился с дверной ручкой — приматывал проволокой к крюку в стене.

— Готово. Теперь не войдут.

Димон скептически покосился на его работу и прошептал:

— Дернут посильнее — и отлетит.

Все же за запертой дверью было спокойнее. На всякий случай они отошли подальше и уселись за крайний столик.

— Никогда не думала, что от страха может быть так больно внутри, — созналась Стеша. — Хуже, чем операция без наркоза.

— Без наркоза сейчас не делают.

— Мне делали, — сказал Киля. — В горле. Но там быстро — раз, и все. А тут...

— Эх, ружьишко бы какое-нибудь. Хотя подводное. Или дедушкину двустолку.

— Зачем тебе?

— Попугать, если кто войдет.

— А может, они просто отравились все? Может, съели за ужином какую-нибудь дрянь и не заметили.

— Ага. Или сонная болезнь. Может, здесь какого-нибудь снотворного газу напущено. И мы тоже через пять минут повалимся все и будем лежать так на полу. Без-ды-хан-но.

— Вот и надо что-то предпринимать. Пока еще не поздно.

— А что? Убежать? Опять в лес, на ветер?

— Ну, нет. Еще неизвестно, что страшнее. Замерзнуть или тихонько заснуть от газа.

— Тсс-с-с... Слышите?

Они замерли, подняв лица к потолку.

— Что там?

— Кто-то ходит.

— Ерунда... Послышалось.

— Ну, хватит, — Димон встал и задернул молнию на своей куртке. — Чем сидеть здесь и трястись без толку... Я пойду посмотрю.

— И я с тобой, — подпрыгнул Киля. — Можно?

— Ишь какой приткий стал. А нога?

— Плевать я на нее хотел, на ногу.

— Нет, — подумав, объявил Димон. — Раненые и женщины останутся здесь. Лавруша, идешь?

— Раз я не раненый и не женщина...

— А вы — заприте снова за нами. И никого — слышите? — никого чужого не пускайте.

Стеша хотела что-то возразить, но они замахали на нее и поспешно, словно боясь растерять свою решимость, оттолкали дверную ручку и выскользнули в вестибюль.

... Человек лежал все так же — одна рука подогнулась под туловище, другая вытянута вперед. Будто плыл посуху кролем и голову вывернул специально набок, чтобы глотнуть воздуха. От начинавшейся лысины лоб казался вдвое больше нормального. Димон, стараясь не глядеть на двух других, присел рядом и ощупал эту выброшенную вперед руку.

— Не знаешь, где пульс должен быть?

— Не знаю, — прошептал Лавруша. — У меня вот здесь: на запястье под часами.

— Ага, нащупал. Сла-а-абенький. ..

— Все-таки живой.

Набравшись духу, Димон взял лежащего за плечо и сильно потряс.

— Эй, очнитесь, пожалуйста. Что с вами? Вы ранены, да?

Тот даже не пошевелился. Только голова его безвольно перекаtilась по полу со скулы на ухо и вывернулась еще сильнее. Правда, никаких следов крови ни на одежде, ни на полу вокруг не было заметно.

— У Стеши в рюкзаке есть одеколон, — сказал Лавруша. — Она всегда вместо йода с собой одеколон носит. И стрептоцид. Может, сходить?

— Нужен ему сейчас твой одеколон. Давай лучше посмотрим, что с другими.

Они перешли к тому, который сидел у стены с открытыми глазами. Он тоже был жив и негромко дышал сквозь стиснутые зубы. Пижаменная куртка с вышитой на кармашке буквой «Д», мягкие домашние брюки, шлепанцы на босу ногу. Казалось, человек только что встал с кровати и спустился вниз посмотреть, что происходит.

Высоко поднятые брови придавали выражению его лица что-то детское.

Возникало впечатление, будто он просто очень крепко задумался, и достаточно лишь чему-нибудь живому попасть

под его остановившийся взгляд, как он придет в себя. Но нет, — Димон и Лавруша по очереди, преодолевая жуть, заглядывали ему в глаза, но они оставались такими же неподвижными, смотрели сквозь них в пустоту.

Около третьего, лежавшего на лестничной площадке, можно было не задерживаться. Та же неловкая поза, то же детски-удивленное выражение лица. Одет он был в ватник и сапоги, и рядом валялась меховая шапка с блестящим значком — скрещенные дубовые листья.

— Лесник, — прошептал Лавруша.

— А вот и двустволка, — обрадовался Димон.

Действительно — подальше, из-под самых ступеней выглядывал обшарпанный приклад старой «тулки». Димон поднял ее, нажал на рычаг, надломил ствол. Блеснула красная медь двух нестреляных капсюлей.

— Заряжена...

Они переглянулись.

Лавруша сжал губы и решительно замотал головой. Димон вздохнул, положил «тулку» на место и прикрыл ее краем лестничного ковра.

— Мне отец наказывал, — как бы извиняясь, объяснил Лавруша: — Руки трясутся — за ружье не берись.

Димон вытянул руку и посмотрел на пальцы. Они заметно дрожали.

От площадки, где они стояли, лестница делала поворот и поднималась дальше к стеклянным дверям второго этажа. За ними налево и направо уходил пустой коридор, выглядывала ярко-зеленая ветвь какого-то растения. Было очень светло и очень тихо. Пока они медленно, одну за одной одолевали оставшиеся ступени, растение открывало им все новые и новые ветви и на самом верху показало, как подарок, как приз за восхождение, роскошную гроздь желтых цветов.

— Если и там одни полутрупы валяются... — пробормотал Димон.

— Тогда что?

— Не знаю... Уж лучше бы хоть чудище — только чтоб живое.

Они подошли к стеклянным дверям и осторожно выглянули — один направо, другой налево. Направо ничего не

было видно из-за растения, из-за этого экзотического, назло пурге цветущего дерева в кадке; поэтому Лавруша повернулся и тоже стал смотреть налево.

Почему-то с первого взгляда делалось ясно: нет, это не санаторий. И не дом отдыха.

Хотя и дальше по стенам вилась всевозможная зелень, и кое-где висели картины, и пол был застлан ковром, невозможно было усомниться в том, что все здесь устроено для дела, что здесь — работают.

Самым не санаторным, не домотдыховским были два никелированных рельса, проложенных под потолком по всей длине коридора. Под ними через ровные интервалы темнели проемы дверей, обитых кожей, на каждой — табличка. То ли полка, то ли подвесная скамейка застыла в воздухе неподалеку от лестницы. Она была зацеплена двумя роликами за рельсы. Получалось что-то вроде маленькой подвесной железной дороги.

И ни души.

Ни на полу, ни у стен, ни за цветущим деревом вплоть до окна, темневшего в дальнем конце коридора, не было ни одного человека — ни лежащего без чувств, ни сидящего, ни идущего.

— Никого, — прошептал Лавруша. — Слушай, а вообще-то мы хотим кого-нибудь найти? Или, наоборот, хотим, чтоб никого не оказалось? Я уже запутался, не знаю, чего хотеть.

— Конечно, найти.

— Кого?

— Кого угодно. Пусть даже не совсем живого, но чтобы говорил. Чтоб объяснил, что у них происходит.

— Может, за этой дверью... Или за той?

— Может быть.

— Только давай не стучаться. Послушаем, и все.

Димон пожал плечами — там видно будет — и ступил в коридор. Нога его сразу утонула в чем-то очень мягком. Видимо, весь пол был устлан толстенным поролоновым ковром. Лавруша вошел вслед за ним, невольно заулыбался от этой неожиданной мягкости под ногами, потом приблизился к подвесной скамейке и прочел написанное на ней объявление (почти в стихах):

«Любой груз весом больше пяти килограмм ты нести не должен сам. Положи его сюда и доедешь без труда».

«Без труда» кто-то зачеркнул и написал сверху карандашом: «вовсюда».

Мягкий пол, зелень и тишина кругом, шутливое объявление — от всего этого Лавруша так осмелел, что сам уселся на скамейку-сиденье и легонько оттолкнулся ногой. Ролики зашуршали по блестящим рельсам. Сиденье стронулось и беззвучно понесло Лаврушины «больше пяти килограмм» вдоль стены, мимо дверей с табличками: «ЛАБ. ВИБР.», «ЛАБ. СЕЙСМ.», «ЛАБ. ХИМ.», «РАДИОЛАБ.» и так далее.

Димон, утопая по щиколотку в ковре, шел рядом и пробовал нажимать на дверные ручки.

Ни одна не поддавалась.

Картины, висевшие по стенам, оказались по большей части фотографиями в рамках: цветок одуванчика, сосульки со сверкающими каплями, гроздь еловых шишек, лось в кустах, летящий тетерев. По-видимому, люди, работавшие во всех этих «лабах», так уставали за день возиться со своими колбами, приборами, окулярами, проводами, что им хотелось, чтобы уже в коридоре глаз их отдыхал на чем-то другом — живом, солнечном, растущем.

Темное окно по мере приближения к нему начинало отсвечивать морозными узорами. Димон нажимал на ручки дверей все решительней. Он было уже совсем уверился, что на этом этаже никого нет, поэтому, когда последняя дверь внезапно поддалась, невольно вздрогнул.

Лавруша, ехавший следом, тихо ахнул, зажал себе рот рукой, сполз со скамейки. Оба замерли, уставясь на табличку «ЛАБ. БИОКОНТР.».

Но нет, ничего дурного пока не произошло.

Наоборот, в образовавшуюся щель потянуло таким нестрашным животным запахом (конюшня? коровник?), что они почему-то с облегчением вздохнули и почти без страха переступили порог.

Маленький домашний зоопарк — вот чем казалась эта комната на первый взгляд. По стенам одна на другой стояли клетки, вернее, просторные деревянные ящики, обтянутые с открытой стороны проволочной сеткой. Большинство животных спало. Несколько птиц наверху перепорхнули с план-

ки на планку, но как-то неумело. Одна даже сорвалась и судорожно попыталась взлететь обратно, испуская негромкое жалобное щебетанье.

— Гляди, — ахнул вдруг Лавруша и потянул Димона к нижней клетке справа.

— Чего? — не понял Димон. — Лиса как лиса.

— А там — в глубине.

Они присели на корточки и ясно увидели в полумраке лису и двух кур, преспокойно клевавших зерна, засыпанные в деревянный желобок. Рядом же, через стенку от них, в пушистом посапывающем комке из лап, хвостов и голов ясно можно было разглядеть нечто еще более поразительное: двух кошек, спящих в обнимку с довольно здоровой дворняжкой.

— Чудеса дрессировки, — пробормотал Димон.

— Да, если только... — начал было Лавруша, но так и застыл, округлив губы на букве «о».

Ибо в этот самый момент они наконец услышали у себя над головами то, чего все время ждали и надеялись не дожидаться, хотели услышать и боялись — явственные человеческие шаги.

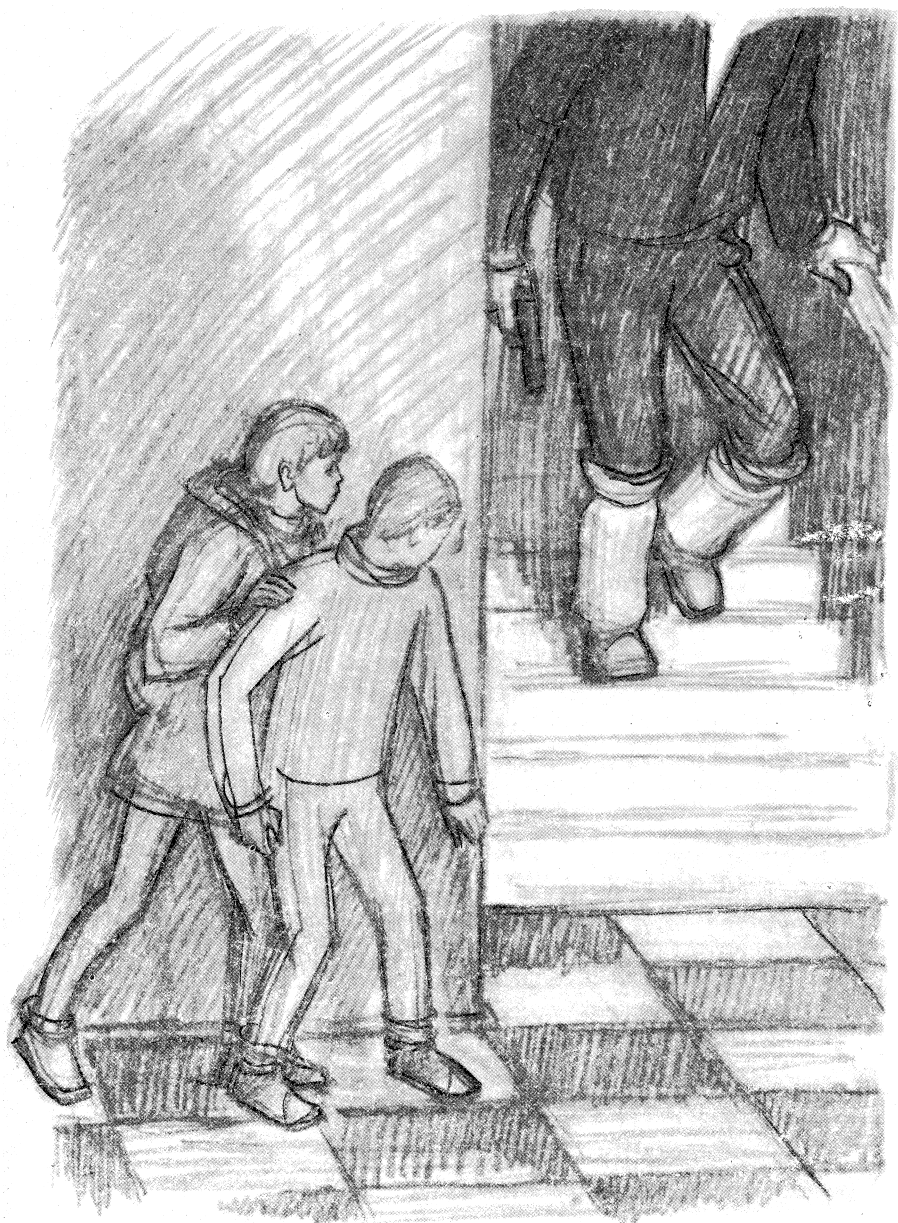
Одних этих шагов было бы достаточно, чтобы заставить их сердца колотиться с сумасшедшей скоростью. Но будто кто-то решил испытать предел их храбрости, самообладания и выдержки: сразу вслед за шагами наверху раздался неясный шум, стукнуло распахнувшееся окно и грохнул выстрел.

Лиса открыла глаза и вскочила на ноги, насторожив уши.

Куры заклохтали и забегали вокруг ее лап, будто ища защиты.

Прошло еще несколько секунд, заполненных бешеным стуком сердец и прерывистым дыханием, и наверху грохнуло еще раз.

Этот второй выстрел хлестнул по их натянутым нервам как кнутом. Не помня себя, не взглянув друг на друга, Димон и Лавруша бросились бежать, вылетели из комнаты-зоопарка, краем глаза заметили какое-то странное красное свечение за морозными узорами окна, но, не успев даже задуматься, откуда оно, вихрем пронеслись по коридору мимо фотографий, мимо дверей, мимо самоходной скамейки и

выскочили на лестницу как раз в тот момент, когда по ней сверху — да-да, прямо на них, и уже не спрятаться — в расстегнутом комбинезоне и унтах, меховой капюшон откинут назад с молодежавого усмехающегося лица — спускался человек — огромный, широкоплечий, с большим черным пистолетом в опущенной правой руке.

7

— Я слышал, что бывают еще такие темные бабки — пугают маленьких детей милиционером. — Капитан встал от стола и пошел навстречу вошедшим. — И если ребенок впечатлительный, испуг может остаться у него на всю жизнь.

— Моей темной бабке некогда было меня пугать: она читала лекции в университете, — холодно сказала Этери. — Но милиция здесь, в научном городке, в такое время... Что-нибудь случилось?

— Кроме пурги, ничего существенного. — Капитан взял ее за рукав шубки и мягко потянул к столу, делая остальным знаки, чтоб не вмешивались. — Просто нам очень нужна одна консультация, а с «Карточным домиком» связи по-прежнему нет. Может, вы нам поможете? Дело такое срочное, что мы решились разбудить вас посреди ночи.

— Я не спала, — сказала Этери, присаживаясь на крайшек стула, придвинутого ей директором.

Остальные тоже уселись на прежние места.

— Андрей Львович сказал мне, что вы работаете в «Карточном домике» вместе с доктором Сильвестровым. Над этой машиной памяти... или антипамяти — как ее? ..

— «Мнемозина».

— Вот-вот. Расскажите нам о ней поподробней.

— Но что же я могу рассказать? — Она снова окинула всех тревожным взглядом. — Ведь мне поручена только техническая часть — монтаж схем, наладка, настройка. Я кончала радиотехнический факультет. Физиология мозга, биоэлектроника — в этом я почти не смыслю.

— Я — тем более. Но нам сейчас нет нужды входить в научные подробности. Расскажите просто, как проходили опыты, с чего вы начинали, на чем спотыкались. Так сказать, краткую биографию «Мнемозины».

— Начинали мы с простейшего — вырабатывали условный рефлекс у морской свинки, а потом при помощи «Мнемозины» снимали его.

— Устраивали сеанс тормозящей радиосвязи?

— Ого, какие термины вы знаете.

— Этери! — укоризненно воскликнул директор.

— Да, сеанс торможения. Пятнадцать—двадцать секунд, и животное начисто забывало свой рефлекс. Но сможем ли мы вернуть память — вот в чем было главное условие задачи. Мы попробовали записывать весь радиосеанс на магнитофонную ленту и потом пускать обратно. Сначала ничего не получалось. Требовалась очень высокая точность и чистота записи, а в городе все время помехи. Но когда нам дали место в «Карточном домике»...

— Вот видите, видите! — воскликнул директор, оборачиваясь к Тамаре Евгеньевне.

Та протестующе пожала плечами.

— Но разве я когда-нибудь возражала против полезности такого института? Я только говорила, что для нашего научного городка он будет непосильной обузой и поэтому...

— Не будем сбивать Этери, — мягко вмешался капитан. — Итак, вам дали помещение в «Карточном домике»...

— ...и тогда все пошло гораздо быстрее. Мы добились нужной чистоты и научились возвращать память еще быстрее, чем отнимали ее. Поворот переключателя на растормаживание, лента прокручивается обратно, и животное снова «помнит» свой рефлекс — подпрыгивает от малейшего звоночка.

— А вы — от радости?

— Бывало и так. Но недолго. Стоило нам перейти к следующей серии опытов — к полному затормаживанию мозга, — как животные начали погибать. Мы не могли понять, что происходит. Нам казалось, что должен наступить какой-то целебный сон, после которого можно будет

вернуть память, записанную на ленте. Полностью или чуть урезанной — как захотим. А они погибали.

— Да, я припоминаю, — вставил директор. — Сильвестров докладывал об этом. Надо отдать ему должное — рассказывал он не об одних успехах, трудностей не скрывал.

— Потом мы наконец догадались. Дело в том, что «Мнемозина» затормаживала клетки мозга без разбору. Покончив с клетками памяти, она принималась за другие — за те, которые управляют дыханием и сердцебиением. И отключала их. Наступала смерть.

— Что же вы придумали? Отключали машину после того, как животное заснет?

— Нет, этого было недостаточно. Вернее, момент был слишком неуловим. Иногда смерть наступала раньше полного засыпания. Поэтому пришлось вводить в машину новый блок: ДЖЦ. Запомните, товарищ капитан: ДЖЦ — дублер жизненных центров.

— Что же он из себя представляет?

— Приемно-передаточное устройство и еще одну магнитофонную ленту. Потоньше первой, но подлиннее. Она как бы принимает на себя управление дыханием и сердцебиением.

— И животное спокойно может спать, пока тонкая лента не кончится или не оборвется?

— Да.

— Оказывается, все очень просто.

— Да? Знаете, сколько мы провозились с этой «простотой»? Два года.

— Но пока сон не наступил, тонкая лента не нужна?

— В общем-то нет. Но в следующих опытах мы ее все-таки каждый раз включали. Для страховки. Даже вмонтировали автоматическое включение — одновременно с основной лентой, с широкой.

— Следующие опыты — это какие? Ощенячивание собак и оцыплячивание кур?

— Что здесь смешного?

— Извините. Я просто не знал, как назвать их поточнее.

— Как раз на этом этапе мы обнаружили очень интересный феномен. «Мнемозина» довольно легко и быстро стирала

свежие воспоминания, но чем дальше она продвигалась в глубь памяти, тем ей становилось труднее. Справиться с воспоминаниями детства — на это иногда уходило часа два. И лишь потом наступал сон.

— Поддерживаемый тонкой лентой?

— Непременно. Но до сна мы старались больше не доводить. Оставляли, как вы выражаетесь, в щенячем и цыплячем возрасте. Мы пробовали и на других животных: на кошках, на лисах. Правда, сам Сильвер... простите — доктор Сильвестров...

— Вы зовете его Сильвером?

— Да. Он сам про себя часто так говорит в третьем лице: «старина Сильвер считает...», «Старина Сильвер вами недоволен...», «Не советую вам сегодня спорить со старым добрым Сильвером...» «Добрый» — вот уж не сказала бы. О нет, не подумайте, что я жалуюсь. Мне очень нравилось с ним работать. Почти каждый день — новая задача, и всегда приходится чуть переходить за грань известного, отработанного. И лично ко мне он всегда относился очень хорошо. Но все равно — «добрый» не то слово. Не идет к нему совершенно.

— Вы сказали «нравилось». Почему в прошедшем времени?

Этери гневно посмотрела на него, потом вдруг потупилась и умолкла. Но капитан сделал вид, будто не замечает ее смущения, и продолжал расспросы.

— Вы прилетели из «Карточного домика» позавчера, тридцатого декабря, верно? Вас послали по какому-нибудь делу?

— Нет, я сама. У меня накопились свободные дни, и я решила их использовать.

— Скажите, а не заметили вы чего-нибудь странного перед вылетом? Все было нормально? Никаких признаков тревоги, никаких аварий?

— Тревоги? Наоборот, все очень радовались. Елку украшали, рисовали плакаты, знаете — шаржи, послания в стихах и все такое. Репетировали шуточные номера. У нас там развлечений мало, так что к праздникам готовятся всерьез. И всегда бывает очень весело.

— Бывает так весело, а вы вдруг уехали. Почему?

— Мне нужно было, — тихо сказала Этери и, поевшись, снова ушла в свою шубку, как в раковину.

Капитан переглянулся с директором, потом посмотрел на часы и покачал головой.

— Послушайте, Этери, — начал директор. — Я вижу, что вы чего-то недоговариваете. И поверьте — в другой раз я бы не стал тянуть из вас клещами. Ведь вы меня знаете. Я хитрый. Дождался бы, когда вам самой захочется рассказать, дотерпел бы. Но теперь не могу. Дело слишком серьезное и срочное. Вы должны рассказать все, что знаете. Почему вы вдруг оставили «Карточный домик»? Что там произошло? Вы испугались чего-нибудь? Поссорились с Сильвестровым? Он вас обидел?

— Я испугалась... Да... Испугалась... — прошептала Этери.

— Но чего?

— Что он сам... Что он не послушается меня и сам начнет этот опыт... Без меня, в одиночку...

— Какой опыт? Что он задумал?

— Но я обещала ему никому не говорить.

— Он запугивал вас? Грозил?

— Нет, конечно, нет. Но если узнают у нас в академии... Его могут совсем снять с этой работы, запретить опыты.

— Этери, там в «Карточном домике» что-то случилось. Что-то очень скверное. Речь идет о жизни людей. В том числе и о жизни Сильвестрова. Поэтому говорите все, что знаете. У нас очень мало времени, поймите!

— Хорошо... Я расскажу... Понимаете, он спешил. Он очень спешил. Еще пять лет назад, когда он только начал свою работу, он уже тогда страшно спешил. Потому что... Про это мало кто знает, но мне он рассказал. У него погиб ребенок. Мальчик. В автомобильной катастрофе. Они собирались провести отпуск на Кавказе. Сам Сильвестров прилетел самолетом, а жена с сыном должны были приехать на машине. Жена очень хорошо умела водить. Но на повороте лопнула шина. А там сразу обрыв и камни. В больнице, когда она пришла в себя, ей долго не хотели говорить про мальчика. Уверяли, что он в соседней палате, что еще есть надежда. На самом деле он погиб сразу. От удара сместились шейные позвонки.

— Остаться жить и чувствовать себя виноватой в смерти собственного ребенка!.. — Тамара Евгеньевна всплеснула руками, будто отгоняла от себя что-то невидимое. — Даже услышать о таком, и то сердце сжимается.

— Сильвестров рассказывал, что с тех пор она изменилась неузнаваемо. То плачет часами по любому поводу. То начинает заговариваться и уверять его, что мальчик до сих пор в больнице, просит позвонить, узнать, когда его выпишут. Потом приходит в себя и вскрикивает, как от удара. Она говорит, что почти физически ощущает в мозгу то место, где засело страшное воспоминание, засело в виде сверлящей больной точки. Не помогали никакие таблетки, никакие лечения. У него не было сил смотреть, как мучается любимый человек. Он чувствовал, что должен, обязан что-то предпринять.

— И придумал «Мнемозину»?

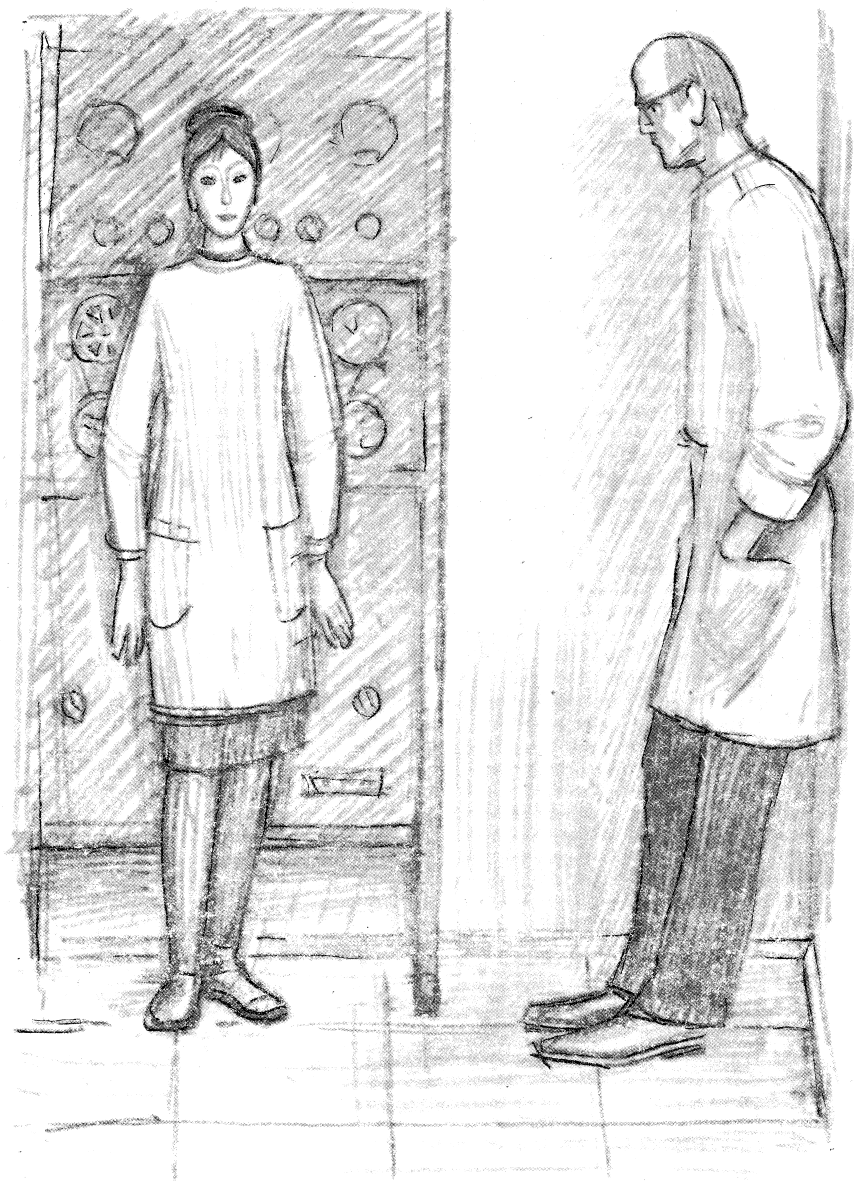
— Да. Сама идея появлялась у него и раньше, но среди многих других. Это не человек, а настоящая фабрика по производству идей. Тогда же, пять лет назад, он решил забросить все остальные проекты и заниматься одной «Мнемозиной». На новом месте работы, в академии, он никому не рассказывал о своей горе. Боялся, что его сочтут эгоистом, хлопочущим только о том, чтобы обеспечить покой в своей семье. Как будто мало на свете других людей, мечтающих освободиться от тяжелых воспоминаний.

— Но неужели время не вылечило ее? Ведь пять лет.

— Судя по тому, с каким лицом Сильвестров вернулся в последний раз из поездки к жене, — нет. Да он и сам стал ужасно нервным, взвинченным. Делался похож на себя лишь тогда, когда работа подвигалась вперед. Но стоило ей застопориться, и он снова впадал в какую-то мрачную ожесточенность. Помните доклад, который он делал весной? Так вот: с тех пор мы не продвинулись вперед ни на шаг.

— Но вы же работали с утра до ночи.

— Все впустую. Мы получали широкую ленту с полной записью памяти животного, но прочесть-то ее мы не могли. И если мы стирали наугад какой-нибудь кусочек, а потом возвращали память обратно в мозг — пусть даже самой смысленной обезьянке, — она не могла объяснить нам, что она забыла.

— И тогда он решил?..

— Да. Попробовать на себе. Это был какой-то кошмар. Последние два месяца он являлся в лабораторию только для одного: уговаривать меня принять участие в опыте. Помочь ему. Он говорил, что все равно другого пути нет. Что без опыта на человеке нам не обойтись. Что пробы будут самые короткие — полминуты, минута.

— Да кто бы ему позволил?! — воскликнул Андрей Львович. — Даже пять секунд.

— Он знал, что ему не дадут разрешения. Поэтому и упрасивал меня помочь. Говорил, что иначе воспоминания о сыне и его сведут с ума. Плакал... Грозился, если я не соглашусь, начать опыт в одиночку. Без ассистента.

— Но как же вы могли молчать? Нужно было приехать сюда, рассказать нам о его намерениях.

— Я думала, мне удастся образумить его. Уговорить... Но в конце концов не выдержала. Просто сбежала. Хотела сразу ехать в Москву, просить о переводе в другое место. Даже билет вчера взяла в аэропорту. А потом сдала обратно... На минуту заколебалась — и снова застряла на полдороге.

— Да как можно колебаться и раздумывать в подобных ситуациях? — воскликнула Тамара Евгеньевна.

Этери посмотрела на неё, и взгляд её из растерянного вдруг сделался ожесточенным и злым.

— А что бы вы хотели? Ведь он доверился мне, понимаете? А я? Должна была его предать? Рассказать, добиться прекращения работы? Лишить его последней надежды? Вы можете оценить меру его страданий? Страданий его жены? Нет. И никто не может. В конце концов, он вправе распоряжаться самим собой. Может, я еще всю жизнь буду жалеть, что отказалась ему помочь.

— Самим собой — это бы еще ничего, — задумчиво сказал капитан, проглядывая записи в своем блокноте.

— Что вы имеете в виду?

— Скажите, как близко должно было находиться подопытное животное во время сеанса?

— Метр — не больше. Мы посылали довольно слабый сигнал, чтобы излучение не достигло лаборатории биоконтроля.

— А сами при этом находились?

— Рядом.

— И ничего?

— Конечно, ничего. Биочастоты человеческого мозга лежат совсем в другом диапазоне.

— Но если, скажем, включить этот человеческий диапазон, а сигнал дать на полную мощность, какая получится дальность действия? То есть на каком расстоянии от «Мнемозины» должен находиться человек, чтобы забыть папу, маму и все на свете?

— Точно не могу сказать... Ведь таких экспериментов еще никто не проводил. Но почему вы спрашиваете? Постойте, уж не думаете ли вы...

Этери на секунду даже онемела от гнева, но капитан упрямо кивнул головой:

— Да, думаю.

— Что такой человек, как Сильвестров, мог решиться на опасный опыт, не приняв всех мер предосторожности? Что где-то за стеной ни о чем не подозревающие люди могли попасть в зону облучения?

— Что в этом невозможного?

— Да поймите же: если бы я согласилась ему ассистировать, я бы находилась в той же комнате. Рядом, понимаете? И все было бы устроено так, чтобы я не подвергалась ни малейшей опасности.

— Этери, вы единственный специалист среди нас. Мы обязаны вам верить. Каждому вашему слову. Но я прошу вас, продумайте сами эту версию до конца. Эту невероятную, невозможную ситуацию: «Мнемозина» включена в диапазоне частот человеческого мозга. Что должно случиться, чтобы мощность тормозящего сигнала внезапно возросла? А вместе с ней — и радиус опасной зоны. Если какой-то злоумышленник, знающий аппарат, решил бы на подобное преступление, что он должен был бы сделать?

— Какой еще злоумышленник? У нас, в «Карточном домике»? Это же чистая утопия.

— Вообразите!

Голос капитана прозвучал так настойчиво, что было не понять, просьба это или уже приказ.

— Ну, хорошо. — Этери выпустила наконец воротник шубки и загнула один палец на руке. — Во-первых, он мог бы попытаться резко увеличить напряжение в электросети. Это, конечно, в том случае, если бы не знал, что у нас есть релейная защита против такого скачка. Во-вторых, усилители третьего блока... Нет, отпадает. Здесь у нас тоже система предохранителей. В-третьих... Но я надеюсь, воображаемый злоумышленник не всемогущ и не может распоряжаться атмосферным давлением?

— А при чем здесь атмосферное давление? — вскинулся директор.

— Нет, это я к слову. Просто мы месяц назад получили письмо от своих коллег из Вильнюса. Они обнаружили странный феномен: в отличие от обычной радиоаппаратуры, биологическое радио очень чувствительно к колебаниям атмосферного давления. Сильное увеличение давления может вообще практически свести силу сигнала до нуля.

— А падение давления?

— Наоборот, усилить сигнал. Точных цифр у них еще не было, но приблизительные данные первых опытов невероятны: удвоение на каждые пять миллиметров ртутного столба. Они сами были так поражены, что решили заново проверить правильность своей методики. Спрашивают, не сталкивались ли мы с чем-нибудь подобным.

— А вы?

— Мы написали, что не сталкивались. Сила сигнала сама собой ни разу не менялась. Правда, «Карточный домик» стоит в таком месте, где давление очень стабильно, резких изменений почти не бывает.

Директор вдруг вскочил с места и отбежал к своему письменному столу.

— Не бывает... Да-да, обычно не бывает, — бормотал он, роясь в папке с бумагами. От волнения он выронил нужный листок, но тут же поймал его на лету и поднял к глазам. — Вот. Сводка погоды, я запрашивал ее сегодня утром. Давление накануне пурги упало на двадцать восемь миллиметров.

Можно было подумать, что цифра, названная им, каким-то образом сообщила окружающему воздуху, — такая душная, гнетущая тишина воцарилась в кабинете.

— Пятикратное удвоение, — прошептала Тамара Евгеньевна. — Вместо одного метра — минимум тридцать.

— Может покрыть «Карточный домик» целиком.

— Но время?! — Капитан всем телом подался вперед.

— Что — «время»? — растерянно спросила Этери.

— Какая длина у магнитофонной ленты «Мнемозины»? Скорость проточки?

— Бобина с широкой лентой рассчитана на двенадцать часов работы. Когда она кончается, «Мнемозина» автоматически перестает посылать тормозящий сигнал.

— Черт с ней — с широкой! Я спрашиваю про тонкую, про этот ваш ДЫЖ... ЦЫЖ — как его?

— ДЖЦ — дублер жизненных центров. Вы хотите знать...

— Да! Да! Я хочу знать, сколько времени будет жить оглушенный, потерявший память человек?

— Тонкая лента, конечно, длиннее... Примерно в два раза. Но почему вы спрашиваете?

Никто ей не ответил.

Капитан молча переглянулся с директором. Тамара Евгеньевна вдруг замотала головой и прикрыла глаза ладонью.

— Почему вы спрашиваете? — повторила Этери, в тревоге приподнимаясь со стула. — Там что-нибудь случилось, да, Андрей Львович, скажите правду. Что-нибудь с Сильвером? Неужели он решился?..

— Не только с ним. — Директор тяжело поднялся из-за стола. — Мы ничего еще толком не знаем, Этери. Но то, что вы рассказали... Если он действительно, забыв дисциплину, долг ученого, решился начать в одиночку этот опыт над самим собой... Чему я просто не хочу верить! Но если это так... И если во время опыта по роковому стечению обстоятельств надвигающаяся пурга сыграла роль злоумышленника... Я знаю ваших коллег из Вильнюса. Вы помните, чтоб они хоть раз ошиблись в таких важных выводах?

— Нет.

— А коли они правы, резкое падение давления могло так усилить сигнал, что Сильвестров оказался оглушенным, утратившим контроль над собой, над течением опыта. И не

только он. Все люди, спящие в здании «Карточного домика», должны были попасть в расширившуюся сферу действия «Мнемозины». Если все это так, тогда картина того, что там произошло...

Он не успел закончить свою мысль.

За дверью застучали чьи-то шаги, быстро, еще быстрее, почти бегом, и влетевший в комнату человек — волосы всклокочены, в руке зажата пара наушников — закричал прямо с порога:

— Андрей Львович! «Карточный домик» ответил!

8

Оставшись одни, Стеша и Киля немного потоптались у запертой двери, потом, стараясь ступать на цыпочки, отошли обратно к тому же столику. В большой полутемной зале кафе невозможно было избавиться от ощущения, что на тебя кто-то смотрит.

— Спрятаться надо, — тихо сказал Киля.

— Куда?

— А вот. — Он взял столик за край и осторожно опрокинул его набок. Затем рядом положил еще один — получилась шалаш не шалаш, а что-то вроде низенькой ширмы. — Полежай сюда.

— Не хочу, — сказала Стеша. — Чего это я буду прятаться? Стыдно.

— Вот еще — стыдно. Я, например, дома часто прячусь. То на сеновал залезешь, то в погреб, то под кровать. Не от кого-нибудь, а просто так. Для интереса — найдут или нет. Только никто не ищет.

Стеша сидела выпрямившись, задумчиво глядела перед собой.

— Знаешь, у меня сейчас такое чувство, будто все это с нами уже было. Будто мы так же сидели в большом опустевшем здании, и елка поблескивала в темном углу, и на улице ветер, а мы чего-то ждем. И страшно. Может, я сон такой видела? Или в книге прочла про похожее, но не помню в какой. С тобой так бывает?

— А дальше чего было в твоём сне? Не доглядела?
— Кажется, кто-то вошел. Нет, не помню. Ты мертвых боишься?

— Да они не мертвые совсем.

— Откуда ты знаешь?

— Видать. Лежат все как-то удобно. А хоть бы и мертвые — мне теперь все равно.

— Почему?

— Потому что... — Киля вздохнул и медленно начал опускаться в свое укрытие.

— Давай-давай, договаривай. Не темни.

— Потому что вы теперь меня никуда с собой не возьмете, — глухо донеслось из-за столиков. — Даже если мы отсюда спасемся и все кончится хорошо...

— Не болтай ерунды, — сказала Стеша. — Подвернуть ногу — это с каждым может случиться.

— С каждым не с каждым, а случилось-то со мной. Димон не простит.

— А когда летом работали на стройке и его обожгло паяльной лампой, кто бегал к фельдшеру за мазью?

— Ну, мы.

— Никакие не мы, а ты. Когда ты наконец отвыкнешь от множественного числа?

— Все, последний раз. Вырвалось само.

— А кто его потом домой на подводе отвез?

— Так то домой. А он меня во-о-он сколько тащил. И не на подводе, а на себе. Такое разве можно простить?

Киля выставил уже два глаза и нос, но Стеша вдруг перестала его утешать и снова впала в задумчивость.

— Значит, ты полагаешь, что Димон способен... Ты думаешь, он злопамятный, да? Жестокий? Так многие считают... Алексей Федотыч у нас всегда на истории примеры приводит. «Представьте себе, — говорит, — что какой-нибудь греческий тиран пошел войной на соседний город и завоевал его. Что он сделает первым делом? Вот ты, Дима, с чего бы ты начал?» Тут я, конечно, не стерпела и вылезла: «Почему обязательно если тиран, так сразу — Дима?» А он говорит: «Нет, это я случайно — к примеру. Да и тираны

в Древней Греции бывали совсем неплохие, так что ничего обидного...» Но я-то знаю, что не случайно он его выбрал. А почему?

— Потому что он главный.

— Кто?

— Димон. Он по натуре главный — всякому видать.

— Глупости. Разве это можно по натуре. Главным назначают или выбирают.

— Ну да. Меня сколько ни назначай, ни выбирай, я все равно не буду. Натура не та.

— Нет, ты не понимаешь. Вы еще историю не проходите, а там есть масса примеров, когда главными делались, ну, кто угодно, это зависит от разных причин, поэтому...

Они постепенно увлеклись разговором и даже на время как будто позабыли все, что с ними случилось. Но видимо какой-то сторож внутри них продолжал напряженно вслушиваться в окружающее. Потому что, когда сверху донесся резкий звук выстрела, Стеша одним прыжком перелетела, перенеслась к Киле за его баррикаду.

Оба замерли там, пригнувшись.

Тьма за окнами окрасилась в красный цвет.

Потом грохнуло еще раз, и топот бегущих ног прокатился у них над головами. Краснота с шипением разгорелась еще ярче и пропала.

Неясный шум шел теперь со стороны вестибюля.

Окрик, звон металла, упавшего на бетон. Возгласы: «Стой! Отдай! Брось пистолет!»

Шум борьбы.

Быстрые шаги нескольких человек — ближе, ближе. Наконец сильный стук в дверь.

Киля выскочил из укрытия и, став перед Стешей, поднял стул, грозно ошетилившись четырьмя его ножками.

Но в этот момент из-за дверей донесся напряженный голос Димона:

— Ребята, это мы. Скорей откройте.

Подбежать к дверям, отмотать проволоку — на это у Стеши ушло несколько секунд.

Широкий сноп света упал из вестибюля в полутемное кафе, и вошли (Стеша с Килей невольно отшатнулись) Димон с двустволкой в руках, за ним Лавруша с большим

черным пистолетом, и последним — высокий человек в комбинезоне и унтах.

Обеими руками высокий размазывал по лицу слезы и ныл, всхлипывал, просил:

— Отдай, слышишь? .. Отдай ракетницу... Не тебе дали, так нечего цапать... Все сказано будет про вас, про хулиганов... Обрадовались, да? Двое на одного — да? Меня ведь послали, не вас... Отдавай, не то хуже будет... Думаешь, отцу нажалуюсь? Не отцу, а самому Саламандре... Саламандра за меня тебе голову оторвет и в карман положит... Понял? По-хорошему отдавай... Ну, а хоть когда поиграешь-то — отдашь? Ох, появишься ты только на нашей улице, будет тебе гроб с музыкой... Слышь, ты... Отдавай, а не то...

— Не ной! — прикрикнул на него Димон. — Сядь там у стены и помолчи. Будешь говорить, когда спросят.

— Дима, нельзя! — зашептала Стеша, хватая его за рукав. — Как ты можешь так разговаривать со старшими.

— А-а, — отмахнулся Димон, — оставь. Какой он «старший». Ты погляди на него.

Заплаканный верзила уселся тем временем у стены. Димон подвинул стул, сел напротив и строгим учительским голосом сказал:

— Итак, откуда вы взялись? Почему бродили по дому один? Зачем открывали окно и пускали в пургу сигнальные ракеты? Чего испугались, увидев нас на лестнице? Но только не врать.

— А чего пристали? — завопил высокий, ударяя себя в грудь. — А что я сделал? Мало ли что испугался! Вас двое, а я один. И не виноват я, зуб даю — не виноват! Не докажешь!

— Не кричи. И не маши руками. Давай-ка по порядку. Как тебя зовут?

— Ну, Юрка я. Сазонов.

— Так. Хоть имя свое помнит. А живешь ты где, Юрка? Здесь? Или в городе? А может, в Ночлегове?

— Чего я здесь не видел. В городе живу. С мамкой и сестрой, понял?

— Работаешь? Учишься?

— Але, кончай на психику давить. Меня на понт не возьмешь.

— Чего?

— Один такой, как ты, тоже мне на психику давил. Знаешь, что ему Саламандра сделал? Руки-ноги связал, а голову в водосточную трубу засунул. Не веришь?

— Верю, верю. Только никто на тебя не давит. И пугать тебя мы не собирались.

— Не собирались? Что ж ты тогда в ружье свое вцепился и до сих пор не отпускаешь? А если оно стрельнет вдруг? Думаешь, не страшно?

— Ладно. Лавруша, поддержи. Ну вот, я уже без ружья. Так где же ты работаешь?

Но Сазонов вдруг нахально ухмыльнулся, развалился на стуле и протянул:

— А не твое. Щенячье. Дело.

Кия от возмущения зашипел, Лавруша охнул, Сеща прошептала: «Какая наглость». Один Димон остался невозмутимым.

— Послушай, Юра, — начал он, не повышая голоса. — Юра Сазонов. Тут стряслось что-то очень плохое. Беда стряслась, понимаешь. В том числе и с тобой. И мы хотим понять. Понять и помочь. Поэтому постарайся вспомнить, что с тобой произошло сегодня. Где ты был утром? Днем? Кого видел? Там в лесу стоит вездеход — это не твой? Ты не на вездеходе приехал? Откуда у тебя пистолет-ракетница? Ну, говори. Расскажи хоть что-нибудь.

Сазонов наморщил лоб, поднял глаза к потолку. Но вдруг лицо его снова перекосила плаксивая гримаса, и слова полились сплошным потоком, так что половины было не разобрать из-за всхлипываний:

— Пристали к человеку... Чего пристали-то?.. Где, да что, да когда. Ну, не помню я ничего... Сказано вам — не помню!.. Бродишь тут, бродишь целый день... Никого нет... Одни валяются на полу, не отвечают, другие высказывают с ружьями... Думаешь, не страшно? И ужинать не дают... Как будто я виноват... Что ж с того, что я стрелял? Я вверх стрелял, не в людей. И не в зверей... А если в кошку из рогатки, так это когда было... И не попал я. Это Саламандра мне рогатку дал, у него их полно... А сестра ее в печку

кинула... Я с тех пор и в руки не брал. А то, что в машину залез, так мне сам Петрович разрешает... Учи, говорит, главное, арифметику, и все тогда, тогда станешь шофером. Я и учу... В прошлой-то четверти у меня по арифметике две четверки было, с четверками в шоферы берут, это точно... А ты пристал, заладил одно и то же: вспомните, вспомните. Бубнишь и бубнишь. Точь-в-точь, как тот псих наверху.

— Какой псих? — опешил Димон. — Где?

— А на втором этаже. Тоже вроде тебя. — Он состроил гримасу и монотонным голосом начал передразнивать кого-то: — «Карточный домик», «Карточный домик», ответьте научному городку, «Карточный домик», почему молчите? Перехожу на прием, «Карточный домик», отвечайте, вас не слышу, вас не слышу, что у вас случилось, отвечайте, «Карточный домик», перехожу на прием...»

— Это радио! — воскликнул Лавруша. — Он передразнивает радио.

Димон вскочил со стула и кинулся к Сазонову.

— Где?! Где ты слышал этого психа?

Сазонов отшатнулся и немедленно перешел опять на слезный тон обиженного пацана:

— Да сказал же я вам... Сразу и сказал — на втором этаже. Там комната в конце коридора направо... Он бубнит из репродуктора — ответьте, ответьте. Я отвечаю, а он опять свое — ответьте да ответьте. Не слышит, что ли, глухая тетеря? Что, я виноват, да, что он меня не слышит? Орешь ему, орешь...

Димон с Лаврушей, не дослушав его причитаний, выскочили из кафе в вестибюль и, перепрыгивая через ступеньки, понеслись вверх по лестнице.

9

— «Карточный домик»? Ну, наконец-то! А мы уж тут места себе не находим от беспокойства. Чуть ли не танковую колонну хотели посылать на помощь. Что у вас там произошло? Докладывайте.

Голос звучал из репродуктора негромко, хотя было понятно, что человек там почти кричит от радости. Димон оглянулся на Лаврушу, тот протянул руку и переключил на передатчике нужный тумблер.

— Видите ли... — начал Димон. — Мы сами не можем понять, что тут произошло. Вроде бы праздновали Новый год, все было нормально, а потом что-то случилось.

— Перехожу на прием, — подсказал Лавруша.

— Перехожу на прием, — повторил Димон и теперь уже сам щелкнул тумблером.

— С кем я говорю? — Тон голоса в репродукторе заметно изменился — вместо радостных в нем зазвучали тревожные ноты. — Это Сева?

— Нет. Это Дима.

— Какой Дима? Фамилия?

— Дима Снегирев.

Там некоторое время молчали. Было слышно, как человек спросил кого-то: «Снегирев? Кто это?» — и женский голос ответил: «Ну, не могу же я всех помнить. Может, кто-нибудь из механиков?»

На цыпочках вошли Стеша и Киля, стали по обе стороны от двери.

— Скажите, Дима Снегирев, а что у вас с голосом? Вы всегда так говорите?

— Не понимаю.

— По голосу можно подумать, что вам лет тринадцать — четырнадцать.

— Не, тринадцати еще нет. Летом будет. Но это неважно. Вы подождите, не отключайтесь. Я вам сейчас все объясню. Мы на лыжах сюда пришли, понимаете? У нас каникулы, и Алексей Федотыч разрешил нам автобуса не ждать, а напрямки на лыжах; и мы с утра как вышли, так ветра еще совсем не было, мы бы запросто успели, напрямки до Зипунов наших километров восемнадцать...

— Дима, не волнуйся так, — попросила Стеша, подходя сзади и кладя ему руку на плечо.

— Ничего я не волнуюсь. Но надо же людям объяснить, как мы сюда забрели, а то они еще подумают, что это мы все тут натворили. А мы просто заблудились — понимаете? — когда пурга началась, и случайно в этот дом попали. Мы

и не слышали раньше про него, и ничего тут не делали, никаких кнопок не трогали, только поели на кухне. Если кто чего тут натворил, так это Сазонов. Из ракетницы точно он стрелял. Может, он до этого еще чего-нибудь выкинул — как вы считаете? Перехожу на прием.

— Сазонов? Что с Сазоновым? Он там, с вами? Позовите его к аппарату.

— Я могу позвать, но нет смысла. Он прямо как пятилетний. То плачет, то грозит, то бормочет не поймешь что. Мы у него еле ракетницу отобрали. Так позвать?

Там снова повисло тягостное молчание. Потом несколько голосов заговорили быстро между собой. Можно было разобрать только: «сухая бессмыслица... какие там лыжи? Впали в детство... бред». А женщина несколько раз произнесла: «Вот она, ваша «Мнемозина» — и кто-то ей ответил: «Да, несомненно, утрата памяти налицо». Наконец голос снова прозвучал явственно из репродуктора, но не тот раскатистый, что раньше, — другой. Посуше и подтверже:

— Дима Снегирев. Слушайте меня внимательно и отвечайте быстро и кратко. В каком состоянии здание? Разбитых окон, поломанных дверей нет? Электричество горит, тепло?

— Да, все нормально. Даже подвесная дорога работает.

— Никаким газом не пахнет, следов огня не заметно?

— Нет.

— Что с людьми? Говорите только про тех, кого видели своими глазами.

— Трое лежат в вестибюле. Похоже, что без сознания. Да нас четверо. Еще Сазонов, но он совсем как малый ребенок.

— А вы сами — как большой, что ли?

— Если вы считаете, что двенадцать лет...

— Не будем отвлекаться. Дима, поймите хорошенько: то, что я сейчас скажу, — приказ. Приказ научного городка и милиции. Возьмите карандаш и записывайте.

— Я запомню.

— Нет, запишите. И не выпускайте записанного из рук. На память вашу надежды сейчас почти никакой. Первое: собрать всех, кто может ходить, и немедленно покинуть здание.

— А куда же мы денемся? В лес, что ли?

— Нет. Выйдете из главных дверей и свернете налево. Метров через сто будет дом лесника. Записали? Там переждете до утра. Утром прибудет спасательный отряд. Помощь. Если в доме холодно, затопите печь. Сумеете? Кажется, там есть собака — не пугайтесь. Вы все поняли? Повторите.

— Собрать всех... Покинуть здание... Ждать в доме лесника... Но скажите хоть, в чем опасность?

— В здании установлен аппарат, испускающий сильное радиоизлучение. Подавляющее память. Боюсь, что и ваша память уже сильно пострадала. Вы забыли многое и каждую секунду продолжаете забывать.

— Так, может, выключить его?.. Или расколотить?

— Ни в коем случае. Он должен поддерживать жизнь тех, кто уже уснул. Пока вас тоже не свалил сон — торопитесь. Выполняйте приказ.

— Есть.

— Как можно быстрее. Бегом. Все — прочь из здания! Репродуктор умолк.

Ребята в растерянности смотрели на Димона. Но тот сидел не двигаясь, уставясь в исписанную бумажку.

— Дима, — позвала Стеша. — Ведь сказали — бегом. Димон потер лоб, прикрыл глаза.

— Да, да. Только, по правде говоря...

— Они решили, что мы такие же чокнутые, — сказал Лавруша, — как Сазонов.

— А может, они правы? Может, мы тоже забыли? И это нам только кажется, что сегодня утром мы вышли из интерната, что Киля подвернул ногу, что сидели в вездеходе. Может, на самом деле это было давным-давно, много лет назад. Но все, что в промежутке, мы забыли.

— Да ведь бегом же, — повторила Стеша. — Сказано — ни минуты не медля. Потом будем рассуждать.

Димон посмотрел на нее, потом на записку с приказом и, страхнув наконец странное оцепенение, напавшее на него, вскочил на ноги.

— Приказано бегом, но приказано еще и всех. Всех, кто может ходить.

— Если Сазонов заупрямится, нам его не вытащить.

— Киля, Лавруша, быстро на третий этаж. Проверь-

те, нет ли кого-нибудь ходячего. И если попадется теплая одежда, тащите вниз. Встретимся внизу у главных дверей.

Сазонова все же пришлось оставить в здании. Он не заупрямился, он просто спал. Спал не так, как те в вестибюле, а по-настоящему: подстелив себе на полу у плиты Стешин полушубок, подложив под голову Лаврушин рюкзак и посапывая вымазанными кремом губами. Растолкать его так и не удалось.

— Ну, что там? — крикнул Димон, увидев спускавшихся сверху ребят.

— Никого. То есть спят все. И в запертые двери стучали — не откликаются.

Одевались быстро и молча.

— Готовы? — спросил Димон, в последний раз пробежав бумажку с приказом: налево, сто метров, дом лесника. — Тогда пошли.

Дверь поддавалась только после того, как на нее навалились втроем, — столько снега намело снаружи. Ветер сразу по-разбойничьи выскочил из ночной черноты, ворвался в вестибюль, полоснул холодом по лицам.

Зато около домика лесника, укрытого в ельнике, было затишье.

Они набились в тесные сени, топали, стряхивали друг с друга снег. Радостный собачий лай раздался за дверью, и стоило Димону откинуть наружную щеколду, как пушистая черно-белая лайка вылетела из горницы, не задумываясь кинулась к Лавруше лапами на плечо и несколько раз лизнула в лицо.

— Ребята, — сказал Лавруша, — там в сенях поленница. А мне пса не выпустить. Ну, куда? Куда ты тянешь? Чего скулишь? Что с хозяином твоим беда? Знаем, знаем, что беда. Потерпи. До утра придется тебе потерпеть, утром помощь придет. Понял? Усек?

Димон набрал уже полную охапку дров, когда в полутьме сеней до него донесся Стешин голос:

— Дима?

— Да.

— Ты помнишь, я летом уезжала на неделю?

— Помню. Вы с концертами по деревням ездили.

— Да. А когда возвращались, ты на дороге сидел. С корзинкой.

— Ну, сидел.

— И я застучала в кабину, чтоб остановили, и спрыгнула, и ты сказал, что за грибами ходил.

— Я помню.

— Только в корзинке у тебя пусто было. И грибов в июле у нас не бывает никогда.

— Чего ты вдруг вспомнила?

— Так...

— Нет, скажи.

— Я подумала тогда... Подумала, что ты меня ждал. Это правда?

— Угу.

— Знаешь, когда тот в репродукторе сказал, что мы многое забыли и продолжаем забывать, я больше всего за это испугалась. Что забуду когда-нибудь, как ты сидел там на дороге. И как смотрел на меня. И как мы шли потом пешком до деревни.

— Я не забыл. Я даже помню, в каком платке ты была. В зелененьком.

— А у тебя на рубашке значок был. Города Суздаль. Я еще подумала: неужели он за это время в Суздаль съездил?

— Да нет. Я так надел. Пофорсить.

— А помнишь, мы уже почти дошли до деревни, и ты хотел меня за руку взять.

— А ты не дала. Почему?

— Маленькая еще была. Глупая. А ты...

— Скоро вы там? — донеслось из-за дверей. — Замерзаем.

Они замолчали и вошли в комнату, пряча покрасневшие лица за охапками дров.

— А Киля где? — спросил Лавруша.

— Киля?.. Мы думали, он здесь в комнате.

— А я думал — он там, с вами.

Они оглядели бревенчатые стены, медвежью шкуру на полу, телевизор, заглянули под занавески.

— Нет, он нас решил доконать сегодня! — Димон с грохотом швырнул дрова к печке и выбежал на крыльцо.

— Киля! Киля! Бандит бессовестный! Где ты? Иди сюда, на голос. Эгей!

Никто не откликнулся.

Ветер все так же выл и нес над крышей бесконечный снежный поток. Когда охрипший и продрогший Димон вернулся в дом, он увидел сначала изумленные глаза Стеши, потом Лаврушу, застывшего посреди комнаты и наконец в углу — виляющий собачий хвост и оскаленную пасть с зажатой в зубах телефонной трубкой.

10

Свободной рукой капитан удерживал телефон так цепко, словно это был живой собеседник, способный убежать, не дослушав самого главного.

— Всех! — кричал он в трубку. — Вы поняли меня? Всю ночную смену водителей! Разбейте их на два отряда. В первом — два бульдозера, две снегоочистилки и обязательно один тягач. Пусть выезжают немедленно. Курс — деревня Ночлегово. Не теряйте времени на заправку, горючее доставим уже в пути. Главное для них — расчистить первый этап дороги. Со вторым отрядом поеду я сам и ученые из научного городка. Нам понадобится еще десять водителей — это как минимум. И конечно, транспорт. Еще две снегоочистилки. Заправщик с горючим. Санитарные машины. Причем с персоналом. И не только дежурных врачей. Пусть вызывают специалистов-невропатологов. Вы записываете? Свяжитесь еще с летчиками. У них есть мощный прожектор на самоходном шасси. Объясните им ситуацию, они поймут. Без такого прожектора по целине нам не пробиться. Кроме того...

На другом конце провода что-то сказали — капитан нахмурился и возмущенно взмахнул рукой, не выпустив из нее телефонного аппарата.

— Жители тоже поймут, уверяю вас! Если вы подготовите сообщение и утром объявите по радио, что случилось, куда была послана снегоуборочная техника, — у вас не будет ни одной жалобы. Да-да — от мала до велика выйдут

с лопатами на улицу разгребать снег вручную... Вот увидите. А не надо так бояться сообщать людям о несчастьях. Если объяснить им прямо и честно — они поймут. Плохо же вы их знаете...

Там, видимо, сказали что-то примирительное. Капитан успокоился и поставил аппарат на стол.

— Вот это другое дело. Значит, все ясно? Первый отряд — немедленно, второй — не позже чем через час. Мы прибудем к вам даже раньше. Готовить лопаты и сообщение для радио начнете после нашего отъезда.

Он бросил трубку на рычаг и обернулся к директору.

— Я ничего не упустил?

— Похоже, что нет. Теперь весь вопрос в том, за сколько часов мы сможем пробиться к «Карточному домику».

— Точно не скажешь. Снежные заносы — штука коварная. Вездеход на полной скорости доходит за три часа. Значит, нам с разгребанием снега, ночью... В лучшем случае — за шесть часов. Пять — это рекордно.

— А сколько у нас в запасе?

— Сейчас двенадцать ночи. Без пяти минут. Если Сильвестров тоже начал опыт под утро... Надо узнать длину тонкой магнитофонной ленты.

— Боюсь, мы это сейчас узнаем, — сказала Тамара Евгеньевна, кивнув на дверь радиорубки.

Вошел запыхавшийся радист. Наушники свободно болтались у него на шее, а в руках были зажаты две бобины с магнитофонной лентой — одна побольше, другая поменьше.

— Вот. На складе только такие. Не знаю, какие они брали для своей «Мнемозины».

Все молча уставились на Этери.

Она виновато потупилась и ткнула пальцем в меньшую.

Казалось, от тягостной тишины в радиорубке стало еще теснее.

— Эх, девушка! — не выдержал радист. — Не знаете, что ли, как шьют на подрастающих? С запасом, с припуском. А ваша-то «Мнемозина» самая подрастающая и есть.

— Подрастающая кобра, — пробурчала Тамара Евгеньевна.

Капитан повернул бобину в руках и поднял глаза на радиста.

— На сколько она?

— А скорость у них какая в «Мнемозине»?

— Маленькая, совсем маленькая. — В голосе Этери мелькнула надежда. — Пять метров в час.

— Значит, двадцать часов будет вертеться. От щелчка до щелчка.

Все головы повернулись к настенным часам.

Большая стрелка переползла уже цифру «12» и равнодушно продолжала отсчитывать секунды следующего дня — второго дня нового года.

— Не успеть.

Директор замотал головой и, запустив обе ладони под ворот свитера, оттянул его так широко, словно хотел захватить весь воздух в маленькой комнатке.

— Если он начал вчера в пять, — сказала Тамара Евгеньевна, — тонкая лента будет поддерживать жизнь спящих до часу ночи. Это все, что есть в нашем распоряжении: час, не больше. Но если...

— Больше никаких «если». — Капитан оттолкнул стул и поднялся. — Мы сделаем все возможное, чтобы успеть. Все равно других путей нет. Остается только надеяться, что он начал позже, где-нибудь на рассвете.

— Нет! Так нельзя! — Этери тоже вскочила на ноги и, схватив телефонный аппарат, протянула его капитану. — Позвоните на аэродром. Нужно найти летчика-добровольца. Хоть одного! Чтобы доставили меня туда... Я бы подклеила ленту... Ведь это все из-за меня случилось. Если б я не удрала. Пусть сбросят с парашютом! Правда, я никогда не прыгала, но вдруг получится...

— Успокойтесь, Этери. Добровольцы, конечно, найдутся. Но техника не всесильна. Нет еще таких летательных аппаратов, которые могли бы подняться в воздух при десятибалльном ветре. Придется ползти по земле. Андрей Львович, вы с нами?

— Разумеется. Тамара Евгеньевна, оставайтесь в радиорубке. Я буду вызывать вас каждые пятнадцать минут.

— Хорошо. Счастливо вам. И не надо отчаиваться раньше времени.

Капитан, за ним Этери, последним — директор выбрались из тесной рубки, пошли по коридору.

Они уже начали спускаться по лестнице, когда до них донесся вопль радиста — то ли изумленный, то ли радостный — не понять.

— Эгей! Домик! Домик снова заговорил!

Капитан изогнулся всем корпусом назад, напрягся и вдруг рванул по коридору, как по стометровой дорожке.

Когда Этери и директор добежали до дверей рубки, он уже сидел рядом с радистом, оттеснив назад Тамару Евгеньевну, прижав ухо к репродуктору.

Детский голос, доносившийся оттуда, был не похож на тот, который они слышали раньше.

— Але. Але, вы меня слышите? Говорят из дома с лабораториями. Со второго этажа я с вами говорю. Ответьте, пожалуйста. Перехожу на прием.

Капитан схватил микрофон, переключил тумблер.

— Да, мы вас слышим. Кто говорит? Почему не выполнили приказ, не покинули здание?

— Говорит Коля Ешкилев. Я вам хотел объяснить... Вы думаете, наверно, что мы ребята-старички, а мы обыкновенные ребята. Настоящие. И ничего мы не забыли. Если не верите, позвоните в Большой поселок, школа-интернат номер восемь, спросите директора Алексея Федотыча. Мы утром сегодня еще там были. Вышли на лыжах, потом заблудились и попали сюда.

— Проверить, — негромко сказал капитан. — Быстро.

Радист кивнул и, чтобы не мешать, выбрался с телефоном в коридор. Длинный красный шнур скользнул с полки, лег капитану на плечо — он даже не заметил.

— Коля Ешкилев, во всяком случае, ты забыл самое главное: что старших надо слушаться. Почему ты остался? Где остальные?

— Остальные все ушли. Кроме Сазонова. Сазонов на кухне уснул, а нам его не поднять.

— Уснул? Сазонов?

— Неужели излучение все еще действует? — Директор резко повернулся к Этери. — Вы же говорили: широкая лента—двенадцать часов. Когда она кончается, тормозящий сигнал должен отключиться автоматически.

— При нормальной скорости — да. А вдруг он включил на более медленную? Мы же ничего толком не знаем.

— В конце концов, Сазонов мог и просто уснуть, — сказал капитан, не поворачивая головы. — От усталости.

— Вы когда сказали, что мы все забываем, — снова раздался из репродуктора Килин голос, — они очень перепугались. У них много хорошего в жизни было, они давно дружат, вот и испугались забыть. А у меня хорошего мало — только с лета, когда они меня взяли в свою компанию. Я пробовал вспомнить и вижу: нет, все помню. Как за раками ходили — помню. Как костер меня учили разжигать — тоже. Даже помню, кто сколько штук поймал, — вот! Может, у меня память какая-нибудь бронированная, ее излучение не берет, а? Я и решил вернуться.

— Да зачем?

— Ну эти тут... Валяются без присмотра... Дышат тяжело. Я подумал: проснется кто-нибудь, пить попросит, а никого нет. Можно, я здесь подежурю? А если не верите, что я здоров, хотите стихи почитаю? Из нашей компании одна девочка их все время читает, я и запомнил: «Мчатся тучи, вьются тучи...»

В это время в дверях появился радист.

— Есть! Точно — они. Вчетвером вышли из интерната, а до дому не дошли. И Ешкилев этот — с ними был.

Капитан испытующе посмотрел на директора, потом на Этери. Та секунду помедлила, потом молча кивнула несколько раз.

— Вы что? — Тамара Евгеньевна испуганно взмахнула рукой, будто защищаясь. — Что вы задумали? Он же ребенок.

— Это наш единственный шанс, — сказал капитан. — Поспеть туда вовремя надежды почти никакой.

— Да не шанс это! А живой ребенок. Немедленно прикажите ему покинуть здание. Вы слышали — Сазонов уже свалился. Излучение действует!

— «Сбились мы, что делать нам? — неслось из репродуктора. — В поле бес нас водит, видно, да кружит по сторонам».

— Там сорок человек, — сказал капитан. — И жизнь их на волоске.

— А вы хотите добавить к ним сорок первого? Ему, наверно, одиннадцати нет. Стоит ему приблизиться к этой чертовой «Мнемозине» — она слижет его коротенькую память в несколько секунд.

— Мы не вправе упустить такую возможность.

— Он справится, — воскликнула Этери. — Там не так уж сложно. Я ему буду объяснять каждое движение, каждый шаг, поворот каждой ручки.

— Замолчите! Сразу видно, что своих детей у вас нет. А вы... Вам я вот что скажу. Если вы немедленно не прикажете мальчику бежать в дом лесника... И если случится несчастье — вам не удастся предстать потом героем, который сделал все, что мог, для спасения людей. Нет!! Я всем-всем скажу, что сорок человек погибли от несчастного случая, а сорок первого погубили вы — вы! Вас будут судить! Да, судить.

— Тамара Евгеньевна!

Директор вскочил, сделал шаг в ее сторону, потом отступил и стал боком, открывая ей проход к дверям.

— Пожалуйста, покиньте рубку. У вас истерика. Вы мешаете нам работать.

Та посмотрела на него то ли с изумлением, то ли с укоризной: «И вы?» — но сказать уже ничего не могла. Только сжала виски ладонями и быстро вышла.

— «Визгом жалобным и воем надрывая сердце мне!» — прокричал репродуктор. — Ну что? Теперь-то верите, что я не чокнутый, как Сазонов? Почему вы замолчали?

Капитан встал, подвинул освободившийся стул Этери.

Та поспешно уселась на него, повернула к себе микрофон и зачем-то погладила его. Будто успокаивала.

— Да, Коля, мы верим. Память у тебя замечательная. И она в полном порядке. Теперь скажи: ты готов нам помочь? — А чего делать?

— Я буду тебе говорить. Но ты должен исполнять каждый приказ в точности. Это очень важно, понимаешь? И все время сообщать мне по радио, что ты делаешь и что видишь перед собой.

— Это что же? Передатчик с собой таскать? Мне его не унести.

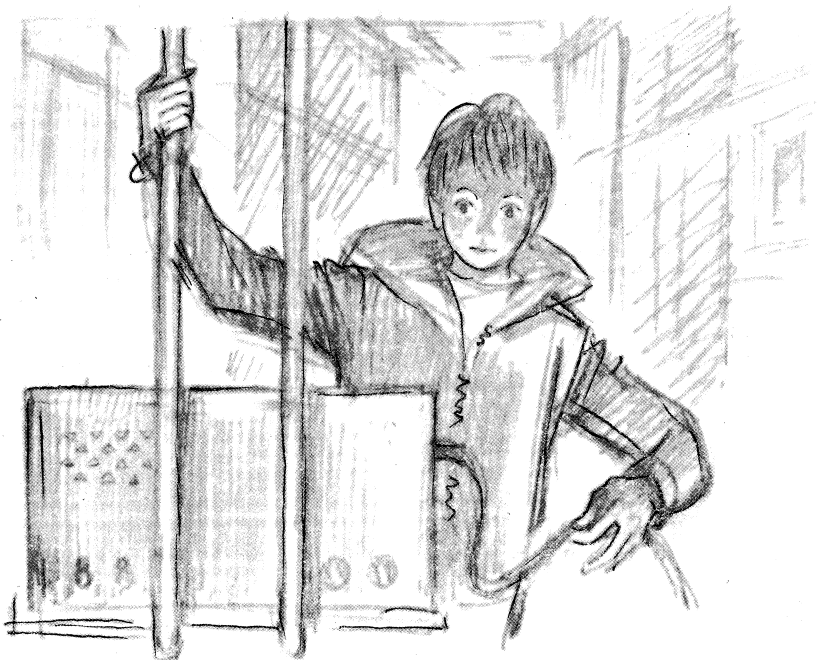
— Там в коридоре багажный кран. Такая скамейка, катящаяся по рельсам, видел?

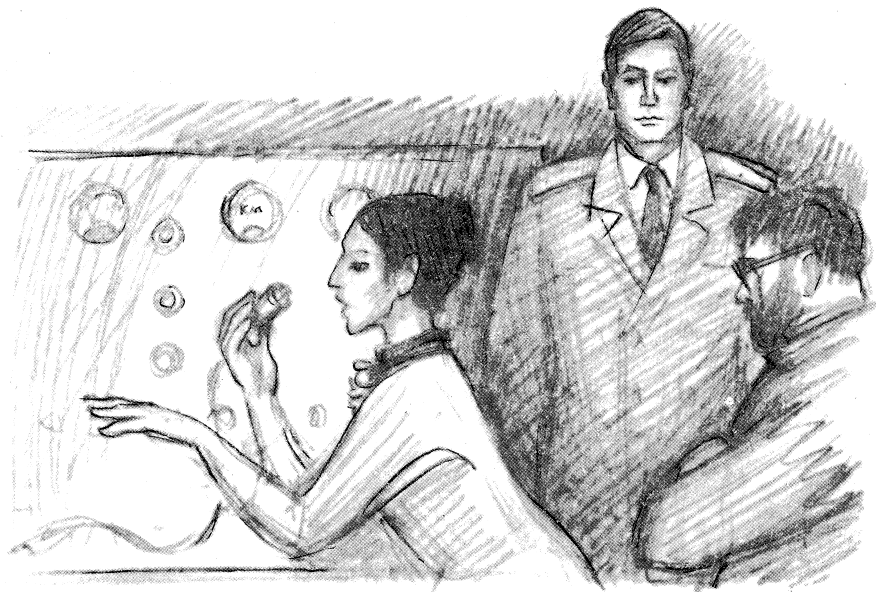
— Ага.

— Вот тебе первый приказ: взять скамейку, закатить ее в радиокомнату и погрузить на нее передатчик.

Послышались удаляющиеся шаги, немного погода — постукивание, пыхтение; все напряженно вслушивались, и когда раздалось: «Фу, готово» — с облегчением вздохнули.

— Теперь выкатывай его в коридор и тяни за собой. Если антенна не пройдет в дверях, отогни — она гибкая. А электрический шнур вытягивай, не бойся. Он длинный, на катушке. Ну как? Пошло?

— Ага. Легко катится. Вышел в коридор — куда теперь? Налево, направо?

— Направо. Иди не спеша. Дверь шестая или седьмая, точно не помню. На ней написано: «Лаборатория Сильвестрова, «Мнемозина». Да, и пожалуйста: все время считай вслух.

— Кого считать?

— Никого. Просто числа по порядку: один, два, три, четыре...

— Умница, — шепотом сказал капитан и пожал руку Этери, лежавшую на столе.

— Зачем? — спросил Кия. — Думаете, я считать не умею?

— Так мы сможем следить за твоей памятью. Если начнешь сбиваться, прикажем все бросить и бежать в дом лесника. Ну, давай.

— Один, два, три, четыре...

Киля выговаривал каждую цифру гораздо старательней и торжественней, чем слова стихотворения. На счете «четырнадцать» он вдруг умолк. В радиорубке затаили дыхание.

— Что случилось? Почему ты замолчал?

— Пятнадцать, шестнадцать... Дошли мы до той двери. И табличку читали... Семнадцать, восемнадцать...

— Кто это «мы»? Сколько вас там?

— Да один я, один. Никого больше нет. Девятнадцать, двадцать.

— Что на табличке?

— «Мнемозина» какая-то... Двадцать один, двадцать два, двадцать три... И снизу записка: «Идет опыт, прошу не входить». Двадцать четыре, двадцать пять...

Этери беззвучно пошевелила пересохшими губами. Капитан поймал ее взгляд, достал с полки сифон с газированной водой, наполнил стакан. Она благодарно кивнула ему, задышавшись, отпила несколько глотков.

— Коля, теперь начинается самое важное и трудное. Ты войдешь в эту лабораторию...

— А если она заперта? Двадцать шесть, двадцать семь...

— Я скажу тебе шифр замка. Войдешь в нее — не пугайся. Возможно, на полу будет лежать человек без сознания.

— Какой человек?

— Ничего страшного, обыкновенный. Худой, в белом халате... У него очень высокий лоб. В общем, сам Сильвестров.

— Двадцать восемь, двадцать девять... Нет, высоколобого там нет. Он в вестибюле лежит, на полу... Так лежит, будто хочет гребануть рукой и поплыть.

— Значит, у него хватило сил выбраться, — сказала Этери, оглянувшись. — Я больше всего боялась, что он свалился рядом с «Мнемозиной». В зоне самого сильного излучения.

— Я войду, а чего делать?

— Прежде всего, продолжай считать. Не делай никаких пауз. И, считая, постепенно иди к окну. Там стоит большой

аппарат — лампочки, переключатели, стрелки приборов. Ты что-нибудь смыслишь в радиотехнике?

— В кружке-то я занимался... Тридцать, тридцать один, тридцать два...

— Вот это молодец. Тогда входи. Когда дойдешь до аппарата, скажешь. Входи и считай.

Было слышно, как скрипнула дверь, как Киля ступил с мягкого ковра в коридоре на твердый пол комнаты, как зашуршали ролики подвесной дороги. Этери поднесла руку ко рту и прикусила костяшки пальцев, капитан прибавил звук в репродукторе. Директор и радист, стоя у них за спиной, мучились вынужденным бездельем и непрерывно курили.

— ... Сорок восемь, сорок девять... Дошел до аппарата. Он, похоже, включен. Пятьдесят, пятьдесят один... Лампочки горят, гудит слегка...

— Коля, посредине прямо перед тобой — широкая никелированная пластина. По углам две защелки. Видишь?

— Да.

— Отстегни защелки и открой ее.

— А как она?... Ага, понял... Сейчас... Во — сама подскочила. Пятьдесят три, пятьдесят четыре...

— Что ты видишь перед собой?

— Вроде магнитофон... Или даже два... Пятьдесят пять, пятьдесят шесть, пятьдесят семь... Один с широкой лентой, другой с тонкой... Пятьдесят восемь, пятьдесят девять... Широкая кончилась вся, катушки остановились.

— А тонкая?!

— Еще крутится... Шестьдесят, шестьдесят один... Но тоже совсем мало осталось... Скоро остановится.

В радиорубке произошло движение. Все словно качнулись вперед, но капитан, раскинув руки, удержал: «Не мешайте ей!» Этери напряглась, откинула волосы со лба и вдруг начала говорить быстро и решительно, не обращая ни на кого внимания. Каждая фраза звучала отчетливо, как команда, и тем страннее казались просительные, умоляющие интонации, прорывавшиеся время от времени в ее голосе:

— Все понятно... Считать больше не надо. Коля, тебе опасность не грозит. Но другим!.. Ты можешь спасти их. И должен! Только времени очень мало... Не перебивай. Прежде всего: справа на пульте оранжевый переключатель. И надписи — торможение, растормаживание. На что он включен? Торможение?.. Я так и думала. Поверни его против часовой стрелки до щелчка. Повернул? Широкая лента пошла в обратную сторону?.. Очень хорошо. Теперь самое главное. И самое ответственное. Сосредоточься только на деле, ни на что не отвлекайся. Слева на стене ящик. Он не заперт. Достань из него три вещи: запасную бобину с тонкой лентой, зажим, похожий на бельевой, и розовую бутылочку с клеем. Тебе приходилось склеивать магнитофонную ленту?.. Смазать кончики клеем, сжать, под пресс — все верно. Только о прессе не может быть и речи. Клеить тебе придется на ходу. Катушка не должна останавливаться ни на секунду — понял? Там у основания вращающейся бобины торчит свободный кончик ленты. Вот его надо подклеить к запасной. Знаю, что трудно, знаю... Но, Коля, надо, чтоб вышло! Причем с первого раза. Второй попытки не будет. Ты готов? Оба конца смазал? Теперь быстро соедини их и сожми зажимом... Ну?.. Зажим пусть крутится с катушкой — ничего, он легкий. А запасную поворачивай, поворачивай, чтобы лента не перекрутилась. Много еще ее на катушке?.. Следи, Коля, следи. Когда останется несколько витков,ними зажим... Не бойся, клей особый, схватывает за минуту. Запасную же насади на палец или на карандаш. И приготовься — тебе придется ее немного подержать вручную. Потом снимешь ту, опустевшую, насадишь на освободившийся штырек новую. Что?! Кончается? Быстро — снимай зажим! Запасную поворачивай до последнего момента!.. Коля, миленький, ну? Что там у тебя?! Что?

Пауза тянулась несколько секунд.

Им показалось — часов.

— Вроде, пошла... — Голос Кили звучал слабо — видимо, забыв повернуться к микрофону. — Тянет. Запасную теперь тянет. Я думал, порвется на склейке, ан нет. Клей у вас хороший. Дадите немного?

— Весь! Я тебе весь клей подарю! Ты... Попроси

чего-нибудь еще. Проси, что хочешь! Ты сам не знаешь, как ты...

Она не могла больше говорить.

Директор помог ей подняться, вывел в коридор подышать.

Капитан, отирая капли пота со лба и щек, занял ее место.

— Коля, тебе сколько лет?

— Одиннадцать. А что?

— Я старше тебя на двадцать пять лет. Но не знаю, справился ли бы я, как ты. Молодец. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Только спать охота. Но если надо...

— Надо, Коля, надо очень. Следи за лентой. Держи клей наготове. Если порвется... Не засыпай, очень тебя прошу. Хочешь, я артиста вызову сюда, чтоб он тебе истории рассказывал? Страшные. Или веселые. Только не засыпай. Если ты заснешь — другие могут не проснуться.

— Ладно. Я щипать себя буду. Ой!..

— Что — очень больно?

— Нет. Шаги услышал. Кто-то идет сюда по коридору. Входит...

— Не бойся, Коля, не бойся. Ты включил широкую ленту на растормаживание — люди постепенно приходят в себя. Кто там вошел?

В репродукторе раздался неясный шум, изумленный мужской голос произнес: «А ты что тут делаешь?»

— Ничего страшного, — сказал Киля. — Это Сазонов. Если будет хулиганить, я ему сейчас дам конфетку, он и заткнется.

— Дай ему лучше микрофон, — улыбнулся капитан.

— Научный городок? Вызываю научный городок. — Сазонов говорил внятно, но как-то неуверенно. Будто удивлялся, что слова слетают с его языка так послушно, и именно те, какие он хотел. — Андрей Львович, это вы? Докладывает Сазонов.

Директор поспешно вернулся в радиорубку, сел к столу.

— Не надо докладывать, Юрий Семенович. Вряд ли вы сможете сказать нам что-то новое. Скорее — мы вам.

— Но что здесь произошло? Кажется, я был без сознания. Сейчас час ночи, а прибыл я...

— Вы прибыли днем в два. И как все прочие, попали под сильное излучение, подавляющее память. На ваше счастье, вам досталась небольшая доза, часа полтора. Она превратила вас в десятилетнего ребенка, но усыпить не успела. Где-то около четырех излучение прекратилось. Поэтому и сознание вернулось к вам раньше, чем к остальным.

— А что с остальными? Я видел только троих: Сильвестров, начальник Домика Дергачев и лесник. Все трое без сознания. А ребенок? Что он здесь делает с передатчиком? Знаете, я хорошо помню, как прибыл, как вышел из вездехода, добрался до «Карточного домика», обошел его снаружи, а дальше...

— Потом, Юрий Семенович, все расскажете потом. Сейчас главная ваша задача — обеспечить порядок до прибытия спасательного отряда. Сознание и память будут возвращаться к людям постепенно. Возможно, кто-то испугается, впадет в панику. Вы должны успокоить их, добиться, чтоб спокойно ждали врачей. Мы будем утром часам к шести. Сами-то вы в каком состоянии?

— Вроде бы в нормальном. Только вижу все каким-то непривычно ярким. Будто глаза мне промыли. А так ничего.

— Вот и прекрасно. Что же касается мальчика (ребенка, как вы его назвали) — поклонитесь ему низко от нас всех. Да и от себя тоже. Если бы не он... Будет трудно — он вам поможет. Да-да, уверяю вас: на этого «ребенка» можно положиться.

11

Был уже пятый час ночи, когда мощный сноп света ворвался в окна ночлеговских домов.

Анечка, задремавшая было над своим аппаратом, вскочила, набросила полушубок, замотала голову платком и побежала на крыльцо.

Рев моторов надвигался по улице и, казалось, расплющивал, подминал под себя вой ветра. Издали сквозь летящий снег сверкнула ослепительная звезда прожектора, луч скользнул

по крышам, по заборам, по колонне машин, медленно ползущей по расчищенной полосе. Вспухающий снежный вал накатывался все ближе, и кабины двух бульдозеров еле виднелись над его гребнем. Не доезжая здания почты, колонна свернула и так же медленно и неумолимо поползла по целине, нащупывая гусеницами заброшенную дорогу, ведущую к лесу, в сторону «Карточного домика».

Не в силах сдержать радостного возбуждения, Анечка что-то крикнула, замахала рукой, как машут дети проходящему поезду, потом вернулась в дом. Уже с порога услышала писк зуммера, подсела к аппарату.

— Да, Алексей Федотыч, да! Прошли они, только что! Машин, тракторов — не счесть! Одних санитарных штук восемь. А санитарных-то зачем так много? Вы же говорили, что обошлось, что все в этом институте живы остались.

— Живы-то живы, но в себя, видать, не сразу придут после такого... Это, знаете, мелом на доске написанное легко стереть и потом записать снова. А если стерта память... Эксперимент совсем новый, неслыханный, так что медицине здесь нужно в оба глядеть.

— А с тем что? С самим? Который всю кашу заварил?

— С ним хуже всего. Он ведь над собой опыт ставил, так что ему больше всех досталось. Я только что разговаривал с научным городком: опасаются за жизнь. Единственный он из всех до сих пор в сознание не пришел.

— Беда... Но, может, поспеют еще, спасут? Так ходко идут, что за час, думаю, доедут. Теперь, говорят, чуть не с того света научились возвращать. Как это называется? Ре... Ру...

— Реанимация. А кстати, знаете, кто там первый на помощь пришел? — Алексей Федотыч не мог сдержать горделивых ноток. — Наши ребята, интернатские. Те, что заблудились и туда забрели. Как и что, еще не знаю, но из научного сказали: спасибо за таких ребят. Будем их награждать.

— Ну вот, а вы так волновались. Я же говорила, что все обойдется. Не маленькие они, чтобы пропасть совсем.

— Боюсь только, что дома их по-другому наградят. Вы, Анечка, свяжитесь еще раз с Зипунами — предупредите, успокойте. Объясните, как все вышло.

— Хорошо. Сейчас попробую.

Но не успела она нажать на кнопку вызова — Зипуны позвонили сами.

— Анечка? Ешкилева говорит. Ну, что там? Не слышать чего нового? Вроде и объяснили мне, что нашлись они, а все равно места себе не нахожу.

— Не волнуйтесь, Катерина Андреевна, все хорошо. Ребята живы-здоровы. И отряд спасательный с врачами только что туда проехал. Думаю, к утру привезут их, увидите.

— Ох, прямо и не знаю, верить тебе аль нет. Может, ты меня просто утешить хочешь, а? Ведь если б случилось что худое, сразу бы не сказала? Так же подготавливала бы сперва, успокаивала, а потом хлоп — обухом по голове.

— Да вы что? Что вы такое говорите? Ну, вот погодите, я вам сейчас докажу. Хоть и просили меня не звонить, не беспокоить зря, но... Сейчас...

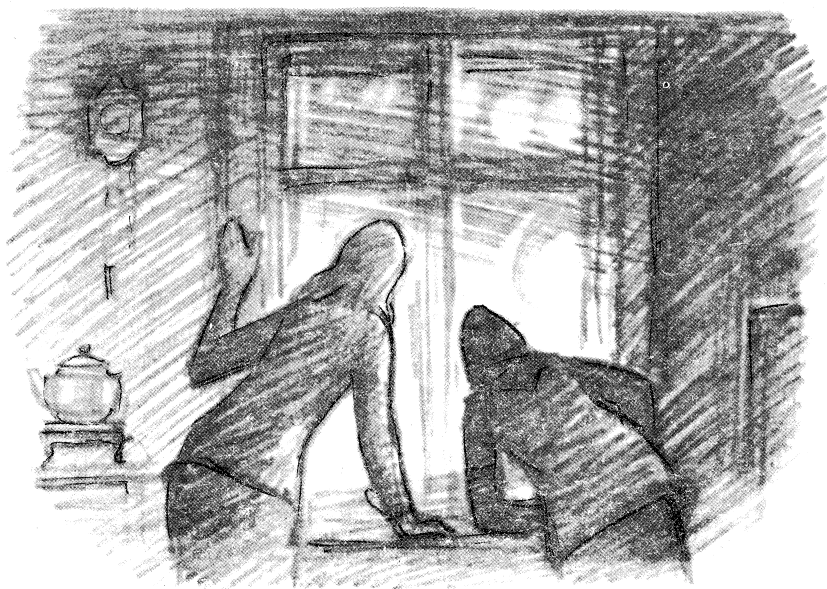
Она перегнулась через стол к радиотелефону, сняла трубку и, прижав ее щекой к плечу, постучала по рычагу.

— Дом лесника?.. Кто это? Дима, ты? Не заснул? Можешь поговорить со своими Зипунами? Катерина Андреевна очень беспокоится, не верит мне про вас.

— Тетя Катя?! — Голос Димона звучал явственно, но словно бы сквозь трубу. Наверно, прикрывал рот ладонью. — Я это, я! Снегирев, да. Целы мы, все целы, не волнуйтесь. И Колька ваш — вон он, рядом на лавке спит... Нет, он по-нормальному спит — не бойтесь... Устал... Будить? Не могу — рука не поднимается. Он три часа около «Мнемозины» отдежурил. Сейчас его Лавруша сменил... Ну, около машины этой. Тетя Катя, я вам хочу сказать про Кольку: вы не знаете... Не знаете, какой он выдающийся. И мы не знали... Пусть! Пусть выдающийся неслух! Зато мы-то все оказались слишком послушные. Нам приказали бежать из здания, мы и драпанули. А он — нет! Единственный не послушался и остался... Просто почуял. Почувствовал, что

нельзя уходить. Если б не он... Я тоже чуял, что нельзя, но не так сильно — и ушел. Эх, зря я вам рассказал. Вы теперь еще больше его ругать будете... Но мы его теперь знаете как будем защищать! А что — даже и от вас. Потому что он теперь всегда — с нами. Навсегда... И если кто-нибудь в деревне или интернате хоть пальцем...

Анечка, слушая этот разговор, согласно кивала, улыбалась и показывала рукой на радиотелефон, будто хотела сказать: «Вот видите? А вы не верили».

Для среднего возраста

Ефимов Игорь Маркович

ПУРГА НАД „КАРТОЧНЫМ ДОМИКОМ“

Ответственный редактор *Н. П. Крыжук.*
Художественный редактор *В. В. Куприянов.*
Технический редактор *Т. Д. Раткевич.*
Корректоры

К. Д. Немковская и Л. Л. Бубнова.

Сдано в набор 19/V 1975 г. Подписано к печати 10/IX 1975 г. Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная № 2. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 5. Тираж 100 000 экз. М-25195. Заказ № 75. Цена 27 к. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Ефимов И. М.

Е 91 Пурга над «Карточным домиком». Фантастическая повесть. Рис. Ю. Данилова. Л., «Дет. лит.», 1975.

93 с. с ил.

Приключенческая повесть о детях, которые в сложных обстоятельствах спасли жизнь ученым. О смелости, о высоком долге, о дружбе и помощи людей друг другу говорится в книге.

**ЧИТАЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“**

АБРАМОВ А. и АБРАМОВ С.

Все дозволено.

ФАНТАСТ. РОМАН.

Рис. А. Тарана.

М., 1973, 271 с.

БРАГИН В.

Искатель утраченного тысячелетия.

ФАНТАСТ. ПОВЕСТЬ.

Рис. В. Куманькова.

М., 1974, 240 с.

БУЛЫЧЕВ К.

Девочка с Земли.

ФАНТАСТ. ПОВЕСТИ и РАССКАЗЫ.

Рис. Е. Мигунова.

М., 1974, 288 с.

ВОЛЬФ С.

Завтра утром, за чаем.

ФАНТАСТ. ПОВЕСТЬ.

Рис. С. Острова.

Л., 1974, 118 с.

ГРОМОВА А. и НУДЕЛЬМАН Р.

В Институте Времени идет расследование.

ФАНТАСТ. РОМАН.

Рис. М. Салтыкова.

М., 1973, 367 с.

КАЗАНЦЕВ А.

Фазты.

ФАНТАСТ. РОМАН в 3-х книгах.

Рис. Ю. Макарова.

М., 1974, 464 с.

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

27 коп

ИГОРЬ ЕФИМОВ

ПУРГА

НАД „КАРТОЧНЫМ ДОМИКОМ“

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“